ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК
СОЗЕРЦАТЕЛЬ
АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ
ТЕНЬ ИНГЕНИУМА

Созерцатель

Алексей Пехов

Тень ингениума

«Автор»
«Автор»
2018

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Пехов А. Ю.

Тень ингениума / А. Ю. Пехов — «Автор», «Автор», 2018 — (Созерцатель)

ISBN 978-5-9922-2651-5

Ингениум — новое будущее человечества. Он появился на волне индустриального прорыва — мотории, его боготворят романтики, за ним следят политики, его желают использовать дельцы и военные. Все ждут от ингениума чудес, забывая о том, что у него есть обратная сторона — тень, приводящая своего владельца к безумию и смерти. Итан Шелби, оказавшийся в Риерте — городе каналов и мостов, стал невольным участником событий, в которых ингениум и его тайны играют не последнюю роль.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-2651-5

© Пехов А. Ю., 2018
© Автор, 2018
© Автор, 2018

Содержание

Глава первая 6
Глава вторая 22
Глава третья 30
Глава четвертая 37
Глава пятая 50
Конец ознакомительного фрагмента. 58

Алексей Пехов
Тень ингениума Фантастический роман

У меня есть и свои спички и своя сера, и я сумею сам устроить себе ад.
Редьярд Киплинг

Глава первая
СДЕЛКА

Был конец ноября, и при всем желании я не мог бы назвать сезон в Риерте приятным. У нас в Королевстве каждый первый – погодный эксперт, о погоде знают всё и охотно обсуждают за завтраком, обедом, ужином и, разумеется, пятичасовым чаем.

Порой доходит до смешного.

Окружен грабителями в подворотне недалеко от Слаудж-стрит? Поделись своим мнением о качестве дождя с преступниками.

Нечего делать, в то время как снаряды искиров роют землю вокруг твоей траншеи? Обсуди с ротой град в Дредводшире, который в прошлую весну был куда мощнее, чем артиллерия косоглазых.

Тонешь вместе с лайнером, нарвавшимся на айсберг в океане? Не забудь сказать капитану, прежде чем корма скроется в волнах:

– Вода нынче довольно прохладна. Вы не находите, сэр? В любом обществе ты сразу прослывешь благовоспитанным, образованным и вежливым человеком. Даже если спустя секунду тебе под ребро вобьют нож, снаряд угодит прямо в каску, а океан заполнит твои легкие. Окружающие всенепременно отметят:

– А Итан Шелби был вполне себе порядочным и воспитанным джентльменом. Какой на улице, однако, дождь.

В Риерте же к традициям, принятым в Королевстве, относятся с равнодушием и погоду редко обсуждают даже в сезон высокой воды, когда та стучится в окна, оккупируя первые этажи зданий и скрывая под собой пешеходные мостовые. Здесь больший интерес для светских бесед вызывают контаги, мотория, недовольство рабочего класса, бессмысленные попытки бунтовщиков пошатнуть положение местной аристократии, заводские стачки, карнавалы и открытие какого-нибудь ресторана на линиях Бурса. То есть о погоде чаще всего поговорить просто не с кем.

Не то чтобы я страдал от этого, но обсудить происходящее все же стоило. Моросил мерзкий дождь, и зябкий ветер прыгал по кронам деревьев, отскакивая от них, точно мячик от голов регбистов. Южные районы города укутались густой прогорклой дымкой, в тумане ощущались едкие режущие запахи из труб фабрик Стальной Хватки, чертовы лужи больше напоминали озера, и привыкнуть к подобной осени было не так-то просто ни с первого, ни со второго, ни даже с сотого раза.

Подняв воротник плаща, я расположился на поваленном стволе старого клена, сунув недочитанную и неаккуратно сложенную газету в карман и время от времени поглядывая в бинокль. Местность была лесистой, со множеством возвышенностей. С них открывался чудесный вид на Пушечный канал и находящийся за ним Арсенал. Берег там изрезан так, словно ножницы и бумажный лист попали в руки одному из безумных пациентов Кавардака. И он создал рваные бухты, в которых теперь стоят боевые корабли, расположены верфи и ремонтные цеха Флота Бурной воды[1].

Мое внимание привлекала железнодорожная ветка, проходящая через лес. Она вела в Арсенал и на всем протяжении своего пути через городские районы надежно охранялась. Но здесь, рядом с лесом, был шанс перелезть через ограду, оставшись незамеченным армейскими патрулями.

[1] Название Военно-морских сил Риерты. — *Здесь и далее примеч. авт.*

Я подготовился. Сейчас была пересменка, тот короткий промежуток времени, когда охрана точно не заинтересовалась бы нами, но, как назло, обстоятельства изменились…

Кроуфорд появился из кустов, точно карликовый кабан, ломая ветки, цеплявшие его пальто. Смачно харкнул, основательно вытер подошвы испачканных грязью ботинок о толстый ковер влажных опавших листьев. Выглядел мой бывший сослуживец, как всегда, неряшливо и мрачно. Возможно, потому, что не прикасался к серому порошку вот уже пару недель и его снова донимал стук скальных молотков, раздававшийся в ушах. Холода Юэн, казалось, совсем не чувствовал, полупальто, похожее на флотский китель, у него нараспашку круглый год.

Он плюхнулся рядом со мной, все такой же хмурый и невысокий, каким я его всегда помнил, пожевал челюстями и словно бы вытолкнул из себя слова:

– Ну, что там?

Я протянул бинокль, и Кроуфорд с апатией приложил его к глазам, чуть подкрутив колесико настройки.

– Хреново, – выдал он свое резюме через долгую минуту наблюдения. – Людей многовато. Нас увидят.

– Да.

– Будем надеяться, что они свалят как можно быстрее, – он внезапно рассмеялся, будто полузадушенная курица. – До прихода патруля.

С Юэном вечная история – порой на него находит. Из котомки, перекинутой через плечо, он достал вязаные перчатки из коричневой шерсти с обрезанными пальцами, натянул их с неспешной основательностью, затем извлек газетный кулек, в котором оказались жареные орешки, облитые карамелью. Протянул мне. Я скривился и покачал головой. Когда в моих жилах остается «Якорь», аппетит отсутствует, но зато тень не донимает.

– Что-то не хочется.

Он печально цокнул языком, словно я отказался по меньшей мере от причастия, закинул один орешек себе в рот, сосредоточенно прожевал, хмуря густые брови:

– Твои демоны тебя погубят, ганнери.

– Избавь меня от очевидных банальностей, капрал.

Кроуфорд хмыкнул, вновь сунул руку в недра сумки, выудил на свет стальную армейскую фляжку, потряс ее так, что там многозначительно булькнуло.

– Может, она сделает твое настроение чуть лучше?

Я не стал отказываться, в конце концов это невежливо. Открутил крышку, понюхал, чертыхнулся про себя. Сделал скупой глоток грубого и безжалостного, как удар кувалдой по башке, джина.

Настала очередь Кроуфорда пить, и в отличие от меня он надолго слился с фляжкой, запрокидывая ее все выше и выше, пока кадык на его тощей шее не заходил точно маятник.

Я поднял бинокль, рассматривая далекую поляну, и Юэн проронил:

– Кто у нас сегодня приобрел шанс прокатиться на трамвае в объятия Сатаны?

– Отчего сразу Сатаны? – поинтересовался я.

– А ты видел у трамвая крылья, чтобы он воспарил к райским вратам? – ухмыльнулся тот и вынес вердикт: – В ад. Нам всем там самое место.

– Нам?

– Человечеству, – охотно пояснил мой сослуживец.

– Любовь твоя к двуногим меня поражает.

– С людьми мои отношения как-то не сложились. Ну, так кто?

– Тощий. В цилиндре. И бугай с тростью.

– Интересно. – Интереса в его голосе не чувствовалось. Лишенный сана святой отец больше был занят орешками из кулька. Выбирал самый крупный.

– Твое экспертное мнение?

Пожатие плечами было едва заметно. Я его скорее угадал, чем увидел.

– Какая разница?

– А как же азарт? Все равно ждем. Давай хоть обсудим.

– Хм… Ну-ка еще раз гляну. Если бы в «Кувшинке» принимали ставки на дуэли, я бы сказал, что вперед ногами вынесут господина с тростью.

– Шутишь? Доходяга по сравнению с ним выглядит жалким заморышем.

Юэн бросил бинокль мне на колени:

– Взгляни сам. Парень в цилиндре постарше, но вроде довольно ловок. А драться они намереваются на саблях, а не на пистолетах. Решай все пуля, я бы сомневался. А так тощий его уделает в два счета.

Я более придирчиво изучил дуэлянтов. Затем врача, секундантов, немногочисленных свидетелей, собравшихся в лесном массиве Риерты, подальше от посторонних глаз (как они думали).

– Ты что-то знаешь, – решил я.

Он хитро прищурился и промолчал. Пришлось проявить внимательность. Наконец я догадался:

– Тощий парень кавалерист?

– Ага, – заулыбался мой приятель. – Заметил, как он стоит и ходит? Кавалерист, а значит, знает, как держать саблю.

– Что-то я не вижу тут лошадей, – с иронией проронил я. – Удары здоровяка будут серьезным аргументом в его пользу. Такого остановишь только танком.

– Поверь моему опыту. Доходяга остается опасным противником, даже если его лошадь будет вкопана в землю вверх ногами за тысячу миль отсюда. Кто он?

– Понятия не имею. И про его соперника ничего не знаю.

– Ну, точно не простые люди. Такие, как мы, бьют друг другу рожу или втыкают нож в сердце. А эти – эстеты. Сабли, романтика, все дела.

Я посмотрел на Кроуфорда. Он необычайно разговорчив сегодня. И тот, понимая, о чем я думаю, буркнул:

– Вернусь домой и запалю трубку. Без серого порошка что-то я разболтался.

Он помолчал. Но совсем немного. И снова заговорил:

– Вроде они решились пустить друг другу кровь. Не понимаю я аристократию. Живем в «прогрессивном» веке. В любой лавке можно купить револьвер за мелкую монету, но некоторым только дай возможность, и они с радостью нашинкуют друг друга полосками железа ради какой-то призрачной чести.

– Не ты ли тот человек, который таскает при себе искирский нож? И иногда у тебя руки чешутся пустить его в дело, как тогда, в Компьерском лесу?

Он поморщился от воспоминаний, которые не любил.

– Забываешь, что я убивал не из-за того, что какой-то кретин наступил мне на ногу или сказал скабрезность о моей жене.

Господин, так и не снявший цилиндр, отбил пару сильных пробных атак здоровяка, а затем внезапно «взорвался» чередой ударов, двигаясь быстро и легко, точно не кривоногий кавалерист, а балерина Королевского театра. С такими скоростями он мог нарубить человека на десяток сэндвичей, но, как оказалось, поступил куда гуманнее. Нанес противнику несколько глубоких кровоточащих порезов, так что тот не смог продолжать бой и сдался, оказавшись в руках врача и секундантов.

Я посмотрел на Кроуфорда. Тот следил за действом без помощи бинокля и чуть нервно облизал губы. Чужая кровь, не говоря уже о смерти, выбивала святого отца из колеи.

– Ну? – мрачно спросил он, покосившись на меня и желая знать, что я думаю.

– Ты бы уделал кавалериста.

– С чего ты так решил? – Он не стал отнекиваться, но и не подтвердил мое мнение.

– Помнишь, мы как-то обходили периметр вокруг крошки «Матильды», надеясь, что ветер принес к нам один из сброшенных с дирижабля ящиков с припасами?

– А… – Юэн помнил. – Ну тогда я был моложе, злее и не пришел к Господу.

Мой мотовагон торчал у искиров точно кость в горле, и им позарез нужен был кто-то из нашего отряда, чтобы узнать про нас как можно больше. В голову имперцам пришла идея захватить языка. Так что в один холодный денек мы нос к носу столкнулись с засадой. Их было пятеро, а нас двое. Никто из врагов не стрелял, в ход пошли сержантские мечи и примкнутые штыки. Но… искирам не повезло.

Со мной был Кроуфорд.

Пока я возился с одним, он выпотрошил троих, словно мясник, и принялся за четвертого. Легко противостоя людям, которых с детства учили обращаться с мечами. А затем пришла очередь пятого… И эта картинка порой всплывала у меня перед глазами, особенно в те минуты, когда Юэн балансировал на грани пробуждения своих демонов, едва не срываясь в кровавую пропасть жестокости. Ее хватило бы в нем на половину мира, стоило лишь потерять над собой контроль.

– Сейчас они будут расходиться. – Кроуфорд отряхнул ладони. – Сколько времени до появления патруля?

– Семь минут.

– Успеем.

Пришлось довольно сильно ускориться, чтобы преодолеть подлесок, открытую поляну и оказаться возле высокого деревянного забора.

Действовали мы по давно отработанной схеме. Я подкидываю капрала, а он втаскивает меня.

Когда мы оказались на той стороне, то скрылись в кустах, ожидая, пока солдаты пройдут мимо.

Мы услышали шаги, патрульные двигались по насыпи, и щебень скрипел у них под подошвами. Кроуфорд подобрался, но я покачал головой. Если он нападет на них, это не останется незамеченным, и мы точно не досидим до ночи без назойливого внимания со стороны армейских.

– Ну что, ганнери, – усмехнулся он, когда они ушли. – Давно я не гулял по Закрытым кварталам Земли Славных.

Мне потребовалось много сил, чтобы найти человека из тайной полиции, которого я видел не больше минуты в тот неприятный день, когда меня закрыли в Гнезде. Эти ребята из «единорогов» были почти так же неуловимы, как и парни, что берут у вас в долг крупную сумму, а затем исчезают, не оставив адреса.

Я умел находить людей, но на этот раз задача оказалась не самой простой. Риерта чужой для меня город, и я был довольно ограничен в возможностях. Поэтому и провозился куда дольше, чем если бы все происходило в Хервингемме.

Капитана тайной полиции, как-то навестившего меня в Гнезде, звали Ричардом Рэком. Он арендовал квартиру в приличном доме Земли Славных, на тихой парковой улице. Старые отсыревшие особняки, сонные дремучие скверы, мраморные лестницы, сейчас скрытые поднявшейся водой, высокие кованые ограды, газовые фонари, в свете которых матово блестят мостовые. Казалось, что эта часть Риерты существует в совершенно иной реальности. Время тут застряло где-то в середине прошлого века, еще до развития мотории и постройки большинства фабрик Стальной Хватки.

Особенность подобных мест характеризуется фразой: «Здесь никто никого не беспокоит и предпочитает дремать, встречая последнее десятилетие своей жизни в тишине и увядании».

Каждый из нас мечтает обитать в кварталах, похожих на эти, так как они дарят удивительное чувство покоя, уверенности в завтрашнем дне и незыблемости существования нашего мира.

Ну… если только некие отморозки не заглядывают на огонек, когда их никто не ждет.

Признаюсь честно, чтобы пробраться сюда ночью – пришлось здорово поработать головой. Закрытые кварталы Земли Славных место хорошо охраняемое. Здесь на каждой улице по посольству, а если ткнуть пальцем, обязательно попадешь в какой-нибудь комитет, суд, министерство или квартиру чиновника. К тому же тут же находится зимний дворец дукса, Центральный банк Риерты, казармы гвардии и логово плакальщиков.

Поэтому в целях безопасности на территорию части кварталов впускают только по пропускам, выданным Министерством вод. А мы с Кроуфордом рожами не вышли, чтобы получить допуск, особенно в ночное время.

Последние месяцы обстановка в городе была не очень. Забастовки, бунты, попытки убийств крупных чиновников, взрывы возле жандармских участков. Несколько дней назад какой-то студент швырнул ручную бомбу в мобиль префекта западных районов. Так что теперь Земля Славных находилась под усиленным контролем жандармов, сторожевых постов, броневиков, конной гвардии и ребят из тайной полиции.

Но я нашел способ обойти жандармские посты.

В северной части района, на высоченных опорах, над домами, возвышался переброшенный через Олений канал железнодорожный мост. Поезда, несущиеся от порта и станции дирижаблей, проходили над трамвайным депо Земли Славных, спускаясь с моста уже в Дикости. Здесь линия множилась, превращалась в разветвленную сеть, отправляя паровозы через Ветродуй, в Гетто и Трущобы, а дальше в Стальную Хватку либо на запад, к Арсеналу.

В отличие от Королевства, железка в Риерте в основном используется для грузов. Пассажирских составов здесь раз-два и обчелся, не такие уж и огромные расстояния, чтобы нельзя было воспользоваться лодкой или трамваем. Зато товарняков, из-за производства, с избытком.

Попасть на такие поезда невозможно – они идут на предельной для города скорости, и их всегда сопровождают команды наемников, охраняющих собственность промышленников. По сути, подобные ребята такие же безродные псы, как мы с Кроуфордом, – прошедшие войну и умеющие убивать. Им хорошо платили, а они метко стреляли, защищая чужие интересы. Лезть к ним на прицел – совсем не вариант.

Но каждую третью ночь, без двадцати два, в перерыве между движением составов, по путям проходила «Кукушка»[2],тянущая за собой несколько тяжеленных вагонов в Метель, к станции дирижаблей. В них была почта и грузы, отправляемые воздушными судами в другие страны, топливо для двигателей, баллоны с водородом или гелием, запасные импеллеры и многое другое. Охрана отсутствовала, и это мой шанс добраться во время комендантского часа до нужного места без лишних проблем.

Я торчал под дождем возле железнодорожной насыпи, чувствуя, как шпалы остро пахнут свежим дегтем. Кроме меня, кажется, на целую милю не было ни души. Кроуфорд отправился на разведку и пропал без вести. Я то и дело поглядывал на слабо светящиеся стрелки наручных часов, гадая, что с ним случилось.

До поезда оставались считаные минуты, и я стоял под деревьями, прислушиваясь. За несколько часов на холоде мне порядком надоело мокнуть и хотелось оказаться где-нибудь подальше от леса Дикости.

Юэн появился, когда паровозный гудок разнесся по окрестностям, пронзая своим тоскливым, надрывным воем округу.

От него сильно разило джином.

– Сколько фляг в твоей сумке?

---

[2] *Здесь*: паровоз серии «Кукушка», медленный и уже устаревший.

– Недостаточно, чтобы я был пьян.

Паровоз шел тяжело и неспешно, шипя паром и стуча колесами, освещая единственной фарой пути перед собой, волоча с десяток облезлых вагонов. Кроуфорд легко вскочил на подножку последнего, подтянулся, перебрался на ударно-тяговое сцепление. Я, догоняя, вцепился в поручень и устроился так, чтобы не соскользнуть вниз с ненадежной опоры.

– Вид у вас подозрительный, – раздался сверху голос Мосса.

Я выругался от неожиданности, а бывший священник даже не дернулся, только сказал:

– Я твою тушу на крыше увидел загодя. Что ты тут забыл?

– Решил подсобить двум знакомым.

– Ты ему сказал? – недовольно спросил я у Кроуфорда, зная ответ.

– Я всего лишь поделился планами на этот вечер, когда доканчивал бутылку «Болдса»[3]. Не думал, что он вылезет из-за кальяна. И переберется через забор.

– Значит, пора начинать думать. – Я разозлился на них обоих. – Какого черта, Мосс?!

Тот несколько неуклюже спустился к нам по скобам, вбитым в деревянную стенку, поправил шерстяную вязаную шапочку.

– Вы два идиота, – с печалью произнес он. – Один свихнулся на боге, порошке и крови, другой на ненависти к иски-рам. Вам требуется хоть кто-то с головой, чтобы прикрыть ваши задницы, когда начнутся неприятности.

– Не ты ли говорил мне неделю назад, что не хочешь никаких стрессов и предпочитаешь жить долго, сыто и желательно счастливо? – спросил я у него.

– Именно я, – подтвердил владелец «Кувшинки», не стушевавшись. – Но стресс вы мне уже устроили. Или кто-то из вас считает, что после у тайной полиции не возникнет вопросов?

Мы оба промолчали. Чего уж тут отвечать на банальные очевидности?

– Вот! – поднял палец мой второй капрал, точно учитель сельской школы. – Если вас, как говорят в лабиринте переулков Верхнего, «запалят», то ваши следы приведут ко мне. Кроуфорд то и дело накачивается джином под моей крышей, а ты, Итан, тоже человек не посторонний и стоял со мной и Арви плечом к плечу, когда мы восстанавливали заведение после окончания войны. Что случится дальше, рассказывать? Жандармы начнут досаждать мне, а это вредит и делу, и финансам. Вызывает недовольство Старухи, и проблемы множатся точно снежный ком, катящийся с горы. Так что я первый, кто заинтересован, чтобы ваши дурные делишки не всплыли в канале вместе со всей той дрянью, что плавает в воде в осенние месяцы.

– Ты слишком разъелся, чтобы быть полезным, – безапелляционно заявил Кроуфорд, точно пятилетний ребенок, у которого что на уме, то и на языке. – Праздная жизнь не пошла тебе на пользу.

– Как и серый порошок тебе, – беззлобно усмехнулся Артур. – Но нам приходится мириться со слабостями друзей.

Юэн подставил лицо ветру, несущему за собой запах паровозной топки, и смилостивился.

– Пистолет взял?

Мосс похлопал по карману пальто. Кроуфорд кивнул, на этот раз выражая одобрение, и вопросительно взглянул на меня.

– Ну не скидывать же его на ходу, – проворчал я.

– Почему сегодня, ганнери? – Артур поглядывал по сторонам, и, казалось, чувствовал он себя не очень комфортно.

– Этот парень неуловим. На работу к нему я прийти не могу, по городу он перемещается с сопровождением. Ночует обычно в особняке на Холме, а туда без перышек Вороненка я никогда не сунусь – охраны еще больше. Но раз в неделю, по вторникам, он приходит сюда.

– Встречи с любовницей?

---

[3] «Б о л д с» – марка джина.

– Не знаю.

Колеса застучали громче, и старый паровоз, тяжело втаскивающий вагоны в горку, то и дело разражался гудками, тревожа холодную ночь. Он пыхтел и начал «уставать», так что машинисту пришлось открыть дымовытяжное устройство, обеспечивая приток воздуха в топку, усиливая горение, повышая мощность машины.

Юэн первым соскользнул вниз, даже не интересуясь, готовы ли мы. Я спрыгнул сразу за ним, удачно приземлившись, сделал кувырок, гася скорость. Мосс замешкался и покинул поезд, когда тот уже почти миновал мост.

– Сидел бы он лучше дома, – сокрушенно покачал головой Кроуфорд.

– Ты больше беспокоишься о нас или о нем? – уточнил я, глядя, как Артур спешит назад, немного припадая на левую ногу.

– О себе. – Как я уже упоминал не раз, Юэн не тот человек, который пытается подсластить правду. – Если его прикончат, то хрен я найду бесплатного джина и угол, где можно отоспаться в тепле. Он не берет с меня денег за выпивку по старой дружбе.

– Шкурный интерес, значит.

– Плоть слаба, Итан. Нам всем это прекрасно известно. А уж я точно не тот, у кого трезвый образ жизни главная добродетель. – Кроуфорд достал из сумки моток веревки, выкрашенной темной краской, и начал обматывать вокруг низких перил. – Когда следующий поезд?

– Через пятнадцать минут в Стальную Хватку пройдет состав с торфяным коксом для сварочных цехов.

– Сто раз успеем.

Мосс остановился рядом со мной, вытащил из кармана портсигар с ребристой крышкой, повертел в руках и с сожалением отправил обратно, решив, что сейчас не время курить.

– Выглядит ненадежно, – прокомментировал Артур происходящее. – Итан?

– Есть немного. Но придется доверить этому узлу наши кости.

Кроуфорд с равнодушной вялостью пастуха, обреченного общаться исключительно с баранами, подергал веревку.

– В горах Рампонгтоха такой узел отлично выдерживал не только нас, но и вес горной пушки. Так что побольше веры, друзья мои. Вам ее вечно не хватает.

– Погоди! – Мосс положил руку на плечо Кроуфорда. – Каждую ночь из депо выходит ремонтный трамвай. Он привычен для всех патрулей и не вызывает у них интереса. Человек, который сегодня будет в кабине, любит игру в карты и задолжал «Кувшинке» довольно приличную сумму. По его меркам, разумеется.

Я негромко, без всякой радости рассмеялся:

– И после этого кто-то смеет утверждать, что азартные игры несут лишь зло. Надеюсь, ты ему не выкручивал руки?

– Что ты! Когда он услышал, что требуется для прощения долга, то едва не пустился в пляс.

– Ему можно доверять?

– В наших районах не принято сообщать жандармам о таких вещах. Ты же понимаешь.

– Нельзя исключать ситуации, когда тот, кто сообщает, – не понимает.

Мосс посмотрел на меня с обреченным сочувствием:

– Мне показалось или со мной делится опытом бывший коппер?

– Не показалось. Любой может оказаться осведомителем. Именно благодаря помощи стукачей ловится множество плохих парней.

– Вот только теперь плохие парни – мы. А я настолько плох, что плачу Старухе и, находясь под ее покровительством, предлагаю людям азартные игры и девчонок. И, по сути, долги клиента «Кувшинки» в какой-то степени принадлежат ей. Ни один человек, живущий выше Оборотного канала, не хочет, чтобы его проведала кукла.

Тут можно было спорить, говорить об исключениях и прочем. Но из дальнего переулка показалась квадратная коробка старого трамвая. У него была открытая кабина и грузовой кузов, заваленный запчастями. Горела лишь одна из двух защищенных проволочными решетками фар, да и та светила так слабо, словно подача тока по проводам вот-вот должна прекратиться.

– Точно как я просил, – довольно улыбнулся Артур. – Минута в минуту.

Трамвай остановился перед воротами депо, из кабины вышел человек, отправился отпирать замок и снимать цепь со створок, чтобы выехать на улицы.

Я первым спустился по веревке и не скажу, что это было просто. Слишком тонкой она оказалась, и я болтался из стороны в сторону, точно маятник часов.

Мосс медлил, осторожничал, а время утекало, точно тростниковый ром, исчезающий в глотке негра.

Кроуфорду, как и всегда, помощь не требовалась. Только что он был на мосту – и вот уже стоит рядом, а веревка, за которую он дернул, падает к его ногам, несмотря на все уверения в надежности узла. Артура аж передернуло, когда он представил, как приземляется на мостовую и ломает себе все кости.

– Ну не бросать же ее здесь, – буркнул Юэн, видя лицо однополчанина.

Борта ремонтного трамвая оказались высокими, сильно проржавевшими и ледяными, что ощущалось даже сквозь перчатки. Внутри кузова, насколько я мог разобрать впотьмах, лежали ящики с инструментами, запчасти к переключателям стрелок, обрезки рельс, несколько пахнущих старой краской шпал, целая демонтированная колесная пара и фрагменты тягового двигателя.

Как только мы разместились, раздались шаги, сверху на нас упал брезент, трамвай низко загудел, набирая ход, и пошел по ночным улицам, гремя колесами.

– Ощущаю себя некомфортно, – пожаловался Кроуфорд, но сочувствия от нас, ясное дело, не дождался.

Время растянулось, превратилось в тонкую, но нервущуюся нитку. Под старым брезентом было холодно, острый металл запчастей норовил впиться в ребра, порвать одежду. Дважды колымага сбавляла ход, и я слышал окрики жандармов, когда мы проезжали мимо постов, но никто, по счастью, не спешил заглядывать в кузов.

Безалаберность и расхлябанность окружающих – это те вещи, на которые всегда рассчитываешь, когда собираешься совершить преступление.

Наконец трамвай остановился, треснул переключатель отключения подачи электричества, и я услышал удаляющиеся шаги.

Мосс выбрался из укрытия, не дожидаясь приглашения, сказал нам негромко:

– Пошевеливайтесь.

Когда мы уходили в ближайший переулок, я обернулся, но человек, оплачивающий Артуру долг, не смотрел на нас, целиком и полностью занятый проверкой ручной стрелки.

Чтобы не привлекать лишнего внимания нашей «большой» компанией, Юэн сильно отстал, почти на два квартала. Мосс курил на ходу, убивая уже третью папиросу и свои легкие. Последний окурок он щелчком отправил в канал, вода в котором, точно ловкий мангуст, забралась почти на набережную, грозя вот-вот подтопить улицу. В этом году наводнение обещало быть самым долгим и сильным за полвека и не собиралось сдавать свои позиции, несмотря на скорую зиму.

Конный патруль жандармерии мы услышали загодя и ушли в неосвещенный проулок, а затем перебрались на противоположную сторону канала по связанным между собой лодкам, из которых местные жители собрали на скорую руку ненадежный мост.

– Ты подумал, как мы будем уходить, Итан?

– Через склады на границе с Ветродуем. Легко пройдем через свалку и окажемся у железки, в пять утра у них смена патрулей.

– Зря ты вытащил Кроуфорда. В последнее время он слишком много чудит.

– В последнее? – изогнул я бровь. – Он странный малый все те годы, что я его знаю.

– С той лишь разницей, что после войны подсел на серый порошок, который превращает его мозги в губку. Удивительно, что ради тебя он сделал усилие и выбрался из своих вечных дурманов.

– Ради меня?

– Это же Кроуфорд. Командир для него подобен богу. Ты как надежный островок в болоте, и он цепляется за тебя из последних сил ослабевшими пальцами. – Мосс убрал руки в карманы, заговорил с деланым равнодушием, словно о событии незначительном и неважном: – Юэн сорвется. Это вопрос очень близкого будущего. И либо он утонет в сизых дымах, либо захлебнется в чужой крови.

Я поднял брови, одновременно следя, как Кроуфорд, появившийся на противоположной стороне канала, перебирается по лодочному мосту.

– О, да. И меня это пугает до чертиков, друг. Остатки нашего отряда редеют на глазах, что заставляет меня задумываться о скоротечности жизни и о том, что я что-то упускаю. Живу не так, как бы мне хотелось. И беда в том, что я не знаю как. Боюсь, пойму это, когда будет слишком поздно, а последний вагон поезда уже скроется за поворотом.

– Обычно тебе не присущи столь сильные приступы меланхолии.

– Поэтому я и предложил ему сидеть дома. – Кроуфорд оказался рядом с нами и слышал мою фразу. – Меланхолия, депрессия, упадничество и еще жалость к самому себе. Лучшие спутники для адских грешников, желающих покончить жизнь самоубийством.

– Право, ты куда дружелюбнее, когда я наливаю тебе джин.

Тут Юэн не стал спорить:

– А уж после трубочки я целую неделю словно агнец. Лежу и никого не трогаю. Но пока это только мечты, и мне приходится цепляться к окружающим по любому пустяку.

– Хорошо хоть ты в состоянии это понять. Этот дом?

Я сверился с адресом:

– Да.

– Кто-нибудь еще есть в квартире?

– Нет информации.

– Консьерж внизу?

– Не знаю, Артур. Никто, с кем я смог поговорить, не обладал такими сведениями.

– Ладно… Будем импровизировать. Кстати, как вы собирались попасть в дом без меня?

– Так, как мне посоветовали опытные люди. – Я указал на соседнее здание и пожарную лестницу. С нее можно было перепрыгнуть на балкон нужной квартиры.

– М-да. Давайте уж войдем по-нормальному, а не как обезьяны.

Кроуфорд достал из кобуры револьвер, стал накручивать на ствол армейский поглотитель звука, напевая что-то себе под нос. Покосился на нас, осекся, понимая, что его унесло куда-то не туда. Артур сокрушенно вздохнул, опустился на колени возле входной двери, щелкнул зажигалкой, изучая замок. Через несколько мгновений погасил огонек и достал отмычки.

– Надо пару минут.

Работал он на ощупь, почти бесшумно, и на его лице было точно такое же спокойствие, словно он приканчивал очередной яблочный кальян, а не лез в чужой дом. Еще один привет из прошлого. До того как Мосс отправился сражаться с искирами, он занимался не слишком порядочными делами. Впрочем, как и многие из нас в молодости.

Уверен, на левом предплечье моего второго капрала все еще набита выцветшая татуировка толстого кота, держащего в лапах связку ключей. Знак людей, промышлявших посеще-

нием чужих домов без приглашения хозяев. В нашем батальоне, да что уж там скромничать – во всей бригаде не было никого лучше, кто умел бы так ловко вскрывать замки.

Вот и тут он тоже справился, повернул ручку, впуская нас в подъезд, окутанный синим мраком. Подумав об этом, я понял, что ко мне только что вернулось осознание цвета. «Якорь» полностью выветрился из моей крови, а значит, несколько дней я буду наслаждаться теми же чувствами, что и все остальные нормальные люди.

Пока в голове все опять не перемешается.

– Третий этаж, – сказал я тихо и, когда мы оказались на лестничной площадке, указал Моссу на дверь.

Артур действовал все так же мастерски, замок сдался, и Юэн первым скользнул в приоткрытую створку. Здесь было еще темнее, чем в подъезде, шторы на окнах закрыты, но Кроуфорда это мало смущало. Он коснулся моего плеча, вытянул руку, которую я с трудом различил, указав на помещение справа, чтобы я не спускал с него глаз. Дождался моего кивка и, осторожно ступая, направился по коридору.

Он вернулся меньше чем через минуту, проверил оставшуюся комнату, и в его руке загорелся маленький карманный фонарь.

– Никого, ганнери. Не только нам не сидится дома в такую ночь.

– Ждем или уходим? – спросил Мосс.

– Ждем. Два часа у нас есть, потом уйдем, чтобы успеть до рассвета. Может, еще появится.

Артур запер замок:

– Постарайтесь ничего не трогать и не двигать. Хозяину ни к чему знать, что приходили гости.

После этого он по старой привычке заглянул в каждую из трех комнат и выдал свой вердикт:

– Все несколько старомодно и запущено.

– Нашел чему удивляться, – сказал я. – Обычное жилище холостяка. Если заглянуть в те берлоги, что являются нашими домами, вид будет не лучше.

Кроуфорд кудахтнул, точно кто-то жестокий неожиданно отвесил ничего не подозревающей курице смачного пинка.

– Подежурю первым. – Мосс сел у окна, из которого открывался вид на улицу.

Я расположился на стуле, если честно, серьезно раздосадованный неудачей. Просто чувствовал, как Сайл дышит мне в затылок и вот-вот опередит на повороте в поисках технологии мотории.

Юэн все никак не мог успокоиться. То и дело вскакивал, ходил из комнаты в комнату, бормотал какую-то ерунду себе под нос.

– Угомонись наконец, – попросил я.

– Мне позарез нужен глоток джина, – оправдался он и, словно пес, которому отказали в игре, лег на коврике возле входной двери. Кажется, заснул, во всяком случае, его дыхание стало глубоким и ровным.

За час Мосс отметил шесть патрулей жандармов. Еще раз проехал бронированный мобиль, а по каналу дважды прошла лодка с гвардейцами, освещая прожектором берега.

– Я так и не спросил, как ты собираешься действовать, Итан, – негромко произнес Артур, все так же продолжая наблюдать за улицей. – Забраться в дом – это всего лишь первый шаг. Но что дальше?

– Рассчитывал задать вопросы.

– Но вот с ответами… беда. Даже если он не станет сопротивляться, что довольно сомнительно для человека из тайной полиции, с чего ты решил, что кто-то из подобных людей раскроет тебе душу? Мы все жесткие ребята и большую часть времени лишены сантиментов, осо-

бенно к тем, кто нам не дорог, но подумай сам – чем ты сможешь на него надавить? Семьи здесь нет, хотя не думаю, что ты со своими принципами пошел бы на такое.

Он слишком хорошо меня знал, признаю.

– Ты ведь понимаешь, что случится дальше, – спокойно произнес я, глядя в потолок. – Именно поэтому я не собирался брать тебя с собой. Лучше запачкаться двоим, чем троим. Кроуфорд умеет заставлять людей говорить, даже если те не желают этого. Помнишь ведь, как он развязывал языки искирам.

Артур кашлянул негромко:

– Оставил бы ты эти шпионские игры к чертям собачьим, глядишь, и прожил бы подольше. Маховики государств перемалывали и куда более крутых парней, чем ты.

– Я и не спорю с этим. Но иногда надо просто делать то, что должен.

– Должен кому?

– Себе.

– Оставь войну в прошлом, в конце концов.

– Не могу, – искренне сказал я. – Она – все, что у меня есть.

Он печально цокнул языком:

– Мы снова возвращаемся к старому разговору. Жизнь идет, и надо находить новый смысл в своем существовании, а не застревать в прошлом.

– Хотел бы я сказать, что ты не прав.

Кроуфорд за время нашей беседы успел вновь прийти в движение, пронесся по квартире и вернулся озадаченным:

– Слова Артура о том, что здесь все запущено, не давали мне покоя. Я тут пошуршал… В верхнем ящике стола он хранит револьвер, под кроватью закреплен дробовик, и это я еще не проверял кладовку.

Эти открытия никого из нас не поразили.

– Человек просто заботится о своей безопасности. Разумная предосторожность в наши суровые времена.

– Ага, – несколько задумчиво протянул Юэн. – В буфете нет никакой еды. Вообще. Выпивки. Воду в питьевом баке не меняли уже пару недель. О таких вещах, как мыло или зубной порошок, просто нет смысла говорить.

– Ну прямо как у тебя в доме, друг, – улыбнулся Мосс. – Правда, в твоей лачуге еще и крыша протекает.

– На постели никто не спал вечность. Она отсырела, и одеяло все в пыли. Пыль на тарелках и стаканах, в кресле, вентиль крана в ванной скоро проржавеет намертво, а зола в печке старше моей прабабки. Никаких книг, бумаг, даже чернил. Скажи мне, Итан, как ты нашел это место?

– Старые связи в Садах Маджоре и некоторое количество цинтур.

– Тебе сдали явочную квартиру, друг. Быть может, она принадлежит тайной полиции, а может, предназначена для каких-то иных встреч. Но мы сильно рискуем, находясь здесь. Куда сильнее, чем ты даже думаешь.

У Кроуфорда, с его опытом, послужным списком и тем, чем он занимался до войны, нюх на подобные вещи.

Принимал я решение меньше секунды:

– Уходим. Прямо сейчас.

– Погоди. – Мосс поднял руку, останавливая меня от шага в коридор. – К крыльцу идет человек. Наш клиент?

Я выглянул в окно:

– Непохоже.

– В доме пятнадцать квартир. Он может направляться в любую из них.

– Конечно, – сказал я, когда мужчина скрылся в подъезде. – Но что-то мне подсказывает, что в комендантский час по улицам шастает лишь тот, кому нужно именно сюда. Кроуфорд, постарайся не прихлопнуть его в первый же момент.

– Если только он не начнет палить. – Мой капрал занял позицию в коридоре, частично спрятавшись за выступом шкафа, и не забыл натянуть себе на лицо шапку, превратив ее в маску с двумя прорезями для глаз.

Я сделал то же самое, встав рядом с дверью и сняв пистолет с предохранителя.

Он не скрывал своего приближения, я слышал усиливающиеся шаги на лестнице, а затем раздался стук. По тому, как человек стучит в дверь, можно многое о нем сказать. Смел ли он, не уверен в себе или же вежлив.

Этот стук отличался вежливостью, но в то же время говорил, что пришедший в курсе – в квартире кто-то есть. Надо сказать, не очень обнадеживающее открытие.

Я быстро глянул на Мосса, но тот покачал головой, показывая этим, что не видит из окна других людей.

– Мистер Хеллмонк, сэр. Это Маклиди. Вы должны меня помнить.

Разумеется. Тяжело забыть личного помощника (или проще сказать громилу) Уилбура Уитфорда. Он, как и я, принял участие в незабываемом веселье в «Сладком мире», откуда плакальщик едва не вынес меня вместе с Мюр вперед ногами. С тех пор я ничего не слышал ни о слуге, ни о его хозяине.

И на тебе.

– Надо поговорить, сэр, – вкрадчиво произнес голос за дверью. – Чтобы не случилось недопонимания в возникшей ситуации.

Я все еще колебался, как следует поступить правильно, но не Кроуфорд. Он не нашел ничего лучше, чем вякнуть:

– Никого нет дома, Бафф. Проваливай.

Очень захотелось заорать: «Ты охренел?!», но я лишь скрипнул зубами от досады. Какой смысл спрашивать, если я и так знаю ответ на свой вопрос.

– Все строишь из себя клоуна, Юэн? Так вы пустите меня или будем, как дебилы, общаться через дверь?

– Смотрю, вы знакомы.

– Бафф был сержантом в четвертом отряде. А я в первом. Служили в одном эскадроне[4] под Рампонгтохом.

Это многое объясняло. Ну… хотя бы то, что господин Уитфорд знает, каких людей надо нанимать себе на службу. И что Маклиди опаснее, чем я предполагал.

Я знаком показал Моссу, чтобы он отпер замок, все еще думая, как нас смогли найти? Выходит, опять следили, а я этого не заметил? Называется, почувствуй себя идиотом второй раз за месяц.

– Только давай без глупостей, Бафф, – предупредил его Юэн. – Все мы люди нервные, а случись непонимание, извиняться будет уже не перед кем.

Тот даже не счел нужным подтверждать очевидные вещи. Вошел, держа руки на виду и стараясь двигаться плавно и аккуратно, словно шагал по тонкому льду.

Кроуфорд, подняв пистолет на уровне груди, спросил негромко:

– Оружие?

– Да. Правый карман.

Юэн кивнул мне, я забрал у гостя коротконосый револьвер и на всякий случай обыскал его.

---

[4] По традиции с позапрошлого века роты Двадцать первого полка Ее Величества носят названия эскадронов. В полку четыре эскадрона, в каждом эскадроне по четыре отряда.

– Осторожность не помешает, – возможно, мой капрал счел, что его слова звучат как извинение, но тон его говорил, что ему плевать, если Маклиди внезапно все же обиделся. – В столовую. Садись на стул.

Мы с Кроуфордом сняли маски, в них не было нужды, а вот Мосс не стал. Пришедший его не знал, и Артур не спешил раскрывать свою личность.

– Мундир жандарма, – отметил я.

– Что поделать, сэр. Виновен, – с усмешкой произнес Маклиди, осторожно присаживаясь и кладя руки на колени.

– Как ты нас нашел? – Я сел напротив, Юэн остался стоять в коридоре и пистолет убирать не спешил.

– Довольно просто, мистер Хеллмонк. У нас наблюдательный пункт в доме напротив, и конечно же от нашего внимания не укрылось, что кто-то заглянул в квартиру, где мой наниматель иногда обсуждает дела с господином Рэком. К которому, как я понимаю, вы пришли без приглашения.

Значит, у Уитфорда какие-то дела с Рэком. Нет, конечно, ничего странного, что аристократ и чиновник из Министерства вод общается с кем-то из тайной полиции, но отчего такое происходит столь секретно? И как это связано с тем, что Уитфорд одновременно ведет какую-то игру с Вилли, человеком, который спит и видит, как устроить в Риерте революцию и сместить дукса?

– Вы следите за Рэком?

– Скорее время от времени обеспечиваем безопасность квартиры, которую иногда используют в качестве… – Он задумался, подбирая слово. – Места для переговоров. Я узнал Кроуфорда и вас, так что мы не стали предпринимать никаких действий. Я просто позвонил своему нанимателю.

Я отметил, что он достаточно умен, чтобы не называть имя Уитфорда публично, особенно когда рядом Мосс – человек для Маклиди незнакомый.

– Он был бы очень благодарен вам, если бы вы оказали любезность и покинули квартиру. А также забыли о Ричарде Рэке и не причиняли ему вреда. Этот человек полезен, и мой наниматель был бы очень опечален, если бы с ним произошла какая-нибудь досадная случайность.

– «Досадная случайность»? – переспросил Кроуфорд.

– Так и есть. Там, где появляются такие, как мы с тобой, иногда происходят досадные случайности.

– Хорошо, – вздохнул я. – С вежливостью покончим и перейдем к угрозам.

– Угрозам, мистер Хеллмонк? – не понял меня Маклиди. – А… Вы о том, что будет, если начнете упрямиться? Поверьте – ровным счетом ничего. Во всяком случае, ни я, ни мой напарник не получали от нашего нанимателя никаких распоряжений на этот счет. Просто ваше возможное упорство усложнит моему нанимателю жизнь и дальнейшие проекты.

– О. Я бы этого не хотел. – Даже я не знаю, сколько в моих словах было искренности. – Но есть вопрос, который я желаю задать господину Рэку. И по этой причине мы оказываемся в патовой ситуации, так как, даже уйдя отсюда, я не перестану искать встречи. При всем моем уважении к вашему нанимателю.

Этот ответ ему не понравился, было видно по глазам, но Маклиди продолжал говорить все с таким же дружелюбием:

– Узнайте интересующие вещи еще у кого-нибудь, сэр. В Риерте полно людей, в том числе и тех, кто работает в тайной полиции.

– Увы.

Маклиди на несколько мгновений нахмурился, изучил меня внимательно, понял, что полудурки, лазающие на шоколадную фабрику и не отступающие перед контаги, разумных доводов не понимают, и сменил тактику:

– Если вы получите ответ, обещайте забыть о существовании господина Рэка.

Это честная сделка. Ну кроме того, что я был не уверен в том, что мне не наврут, а Маклиди не был уверен, что я не нарушу свое слово. Так сказать, обоюдные риски, когда джентльмены полагаются лишь на слово друг друга.

– Охотно. Но возможно ли это?

– Юэн? Могу я встать, не опасаясь получить свинцовый гостинец в затылок? – не оборачиваясь, поинтересовался Маклиди.

– Чувствуй себя как дома.

Его никто не остановил, когда он снял слуховую воронку и крутанул ручку телефона.

– Тремонт семь один ноль шесть[5], – сухо попросил он телефонистку, и после долгой паузы: – Сэр? У него есть вопрос к нему… Сейчас, сэр.

Ночной гость пригласил меня к телефону.

– Говорите. – Голос Уилбура Уитфорда на том конце провода был отнюдь не добрым.

– В ночь взрыва в Гнезде Рэк забрал из него человека. Я хотел бы знать, куда его увели.

– Где мой помощник?

Я передал слуховую воронку обратно Маклиди.

– Понимаю, сэр… Хорошо… Как скажете, сэр. Он прервал соединение и сказал мне:

– Сейчас я выведу вас всех из Земли Славных, а утром вы узнаете то, что хотите.

Утро было так же приветливо, как утопленник, которого обнаружили в канале после долгой ночи. Серое, тягучее и такое холодное, что вот-вот должен был пойти снег. Я устал и не выспался, но новый день, пришедший на смену тоскливой ночи, обещал быть долгим.

Я отпустил Артура и Юэна при первой возможности, сразу после того, как Маклиди провел нас через зону действия комендантского часа, нарядив в форму жандармов и выдав настоящие шейные жетоны[6]. Кроуфорд остался недоволен результатом вылазки, заявив, что чертова дипломатия никогда не приводила ни к чему хорошему, хотя и дал уговорить себя уйти. На его лице читались явные сомнения в моих умственных способностях, раз я отправляюсь на переговоры без поддержки, но у него не было сил сопротивляться своим соблазнам. Мечты о сером порошке занимали все его мысли, а желание принять наркотик куда навязчивее, чем стремление сопровождать меня на встречу с Уитфордом.

Впрочем, вряд ли он смог бы мне помочь, если запахнет жареным. Аристократ на то и аристократ, что способен окружить себя любым количеством охраны. И, отправляясь в пасть льву, оставалось надеяться, что он достаточно сыт, чтобы не обращать внимания на то, что ты перебегаешь ему дорогу.

Если вы ощущаете в моих словах некий фатализм и безумие, то… первого нет и в помине, а второе присутствует в должной мере.

Уже знакомый мне огромный катер с щучьим носом и рубкой-надстройкой вошел в канал Меча из пролива Дукса, замедлил ход, но не остановился, проплывая мимо пристани. Я, а следом за мной и Маклиди запрыгнули на борт, двигатель прибавил оборотов, и берег стал удаляться.

Уилбур Уитфорд встретил меня в гостевой каюте. Лицо у него было землистое, осунувшееся, с кругами под глазами. Похоже, не я один веду активный образ жизни, сутками не прерываясь на сон.

---

[5] На первых телефонах с семизначными номерами три начальные цифры заменялись буквами, с которых начиналось какое-то слово. Это было сделано для того, чтобы новые в то время номера (казавшиеся очень сложными) легче запоминались. По сути, Маклиди говорит «TREmont 7106», что соответствует номеру 873-7106.

[6] Жетон с личным номером жандарма, номером участка, именем и должностью. Обязателен для ношения всем нижним чинам. Кроме информационной роли играет еще и роль защиты, так как больше похож на стальной воротник, закрывающий часть шеи.

– Мистер Хеллмонк, – он не встал из-за стола, не протянул руку, но самолично налил из кофейника чашку темного кофе мне, чем немало удивил. Обычно люди его круга не опускаются до хлопот ради таких, как я. – Вы до черта назойливы и портите мне планы. Что самое досадное – неожиданно.

– Благодарю, – сказал я, забирая напиток и никак не комментируя сказанное.

Оправдываться перед ним? Вот уж увольте. Я вообще до последнего часа не знал, что он заинтересован в Рэке.

– Вы, что называется, мелкая и досадная неприятность. И такие проблемы я привык решать быстро и не заостряя на них личное внимание. Для этого есть тот же Маклиди.

Вполне себе прозрачный намек.

– И все же мы здесь и говорим друг с другом.

– На это есть три вполне весомые причины. Мисс Бэрд ясно дала понять, что вы ее близкий друг и она будет опечалена, если вы внезапно пропадете на дне какого-нибудь канала. А я, что поделать, ненавижу огорчать женщин и нарушать слово.

Я очень вежливо хмыкнул, думая о том, когда это они успели поговорить обо мне.

– Ну а другие причины?

– Они более прозаичны. Вы человек, который в будущем может оказаться полезен. Хотя бы потому, что редко кто способен противостоять плакальщику. А я не тот, кто собственными руками уничтожает полезные инструменты.

– Инструменты… интересно.

– Уж простите. Привык называть вещи своими именами. И использовать людей ради собственной выгоды, – он сказал это без сожаления, просто ставя перед фактом. – К тому же избавиться от человека, работающего на Королевскую службу, – невероятная головная боль. Ваши не любят, когда без веской причины задевают людей на службе Ее Величества.

Вот тут он меня чертовски удивил. Пришлось сохранить каменное лицо и допить кофе. Если я из Королевства, так сразу шпион?

– Вы не отрицаете.

– Я и не подтверждаю. Любые слова сейчас не пойдут на пользу моим делам.

Он на мгновение прикрыл глаза.

– Разумно. Но вы, мистер Хеллмонк, человек-никто. Разумеется, после нашей встречи я начал наводить справки. И… как вы понимаете, никакой Хеллмонк не въезжал в Риерту. Эта история с мистером Рэком довольно многое прояснила. Мне пришлось с ним побеседовать, и я описал, как вы выглядите. – Он позволил себе улыбку. – Хеллмонка он не припомнил, а вот Итана Шелби, который, как считалось, погиб при взрыве Гнезда, узнал.

Этого развития событий следовало ожидать.

– Интересные вещи он о вас рассказал, мистер Шелби. – Теперь он называл меня настоящим именем.

Мне оставалось ждать, куда приведет наша беседа. И если эта дорога мне не понравится, стоило подумать, как в Риерте отнесутся к внезапному взрыву катера аристократа.

– Теперь я понимаю ваши слова об инструменте и выгоде.

Он поднял кофейник, предлагая мне еще кофе, но у меня что-то пропало желание.

– Мистер Шелби, думаете, вы единственный человек с ингениумом, которого я знаю? – с легкой укоризной спросил Уитфорд.

– Ингениум в Риерте незаконен.

– И вас арестовали по досадной случайности, – устало продолжил мой собеседник. – Потому что ваша организация допустила утечку, которую перехватила тайная полиция моего государства.

Я уже вообще ничего не понимал. При чем тут я и Королевская служба?! Они реально считают меня сотрудником разведки?

– Не знаю ваших целей, мистер Шелби. Шпионские игры не моя ответственность. Но, как я уже говорил, вы можете быть полезны. Уже полезны, раз помогли мисс Бэрд и спасли ее от плакальщика. Господин Рэк не будет предпринимать на ваш счет никаких действий.

– Потому что он служит не государству, а вам?

– Вы все ловите на лету. Он выполняет мои приказы и крайне важен для меня, и я не желаю, чтобы вы искали с ним встречи.

Я пожал плечами:

– Мы уже договорились об этом, если я получу ответ. Нет нужды повторяться.

Он испытующе посмотрел на меня, не увидел лжи и ответил:

– Господин Рэк забрал человека, которым вы интересуетесь, и передал его людям Брайса по личному запросу ученого. Вопросов, как вы понимаете, не задавал. Брайс во многих делах обладает влиянием дукса, и, если он говорит, другие исполняют. Это все, что я могу вам сообщить.

В каюту вошел невозмутимый Маклиди, встал в дверях. Аудиенция была окончена.

– Откройте секрет, мистер Шелби. Вы это делаете ради мисс Бэрд? – спросил меня Уитфорд.

– Нет. Я преследую свои интересы, никак не связанные с нашей общей знакомой.

Не знаю, смог ли я его убедить, но он потерял ко мне интерес, и пора было убираться отсюда.

Что я сделал с превеликим удовольствием.

Глава вторая
ПРИГЛАШЕНИЕ

В мире существуют тысячи приятных вещей.

Кофе по утрам. Виски в долгую дождливую ночь. Свежая газета (желательно с хорошими новостями). Раскрытое дело. Гонорар от щедрого клиента. Солнечный свет на лице. Запах свежескошенной травы и морского ветра. Чистка пистолета, в конце концов. Перечислять можно до бесконечности. У каждого из нас с вами свои предпочтения.

Еще приятно просыпаться, зная, что не надо никуда торопиться и что в постели с тобой кто-то вполне подходящий моменту.

Ее рука лежала на мне, я слышал спокойное, ровное дыхание и чуть повернул голову. Она, словно чувствуя мой взгляд, пошевелилась, обнажая плечо, на котором были буквы, сделанные голубой, уже немного побледневшей краской.

QARANC[7].

Забавно.

Я так ей и сказал, удивленный тем, что она принимала участие в войне в качестве медсестры.

– О, – протянула она, отвечая на это странной улыбкой. – Разве не мечта каждого солдата оказаться рядом с сестрицей из QARANC, VAD или RAMC?[8]

– Возможно, – не стал я отрицать. – Но только когда искиры делали перерыв и появлялись еще хоть какие-то мысли, кроме как выжить и их прикончить.

– Вот видишь. Некоторым мечтам суждено сбываться, пускай и спустя тринадцать лет после войны.

Она порой цинична, иронична и насмешлива. И над другими, и над собой. Как и все, кто принял участие в Великой войне, Рин вспоминала то время с неохотой, болью и… тоской. Поэтому я так и не спросил у нее, как получилось, что она поменяла синее платье и белый передник[9] на «Лонгерфильд»[10]. Да, впрочем, это и не важно теперь. Когда нам удавалось пересечься, то появлялись более интересные темы для беседы.

Дверь комнаты внезапно распахнулась, я даже удивиться не успел.

– Привет! – сказала мне Мюр, которую я ожидал увидеть здесь в самую последнюю очередь. Ее взгляд с интересом скользнул по нам. – Рин, могу я его одолжить?

– Он весь твой, – сонно ответила Рианна, не поднимая головы с подушки, и в ее голосе послышалась тень улыбки. – Ну… почти весь.

Не знаю, кого из них двоих это позабавило больше. Но точно не меня.

– За что я заслужил такое? – спросил я у Провидения, выбираясь из-под одеяла.

– Ты недоволен тем, что я не постучала? – Девчонка сочла веселым позлить меня с утра пораньше.

– Какие условности могут быть между друзьями? Просто у меня плохое предчувствие, будто ты собираешься втянуть меня в неприятности.

– Ты в Риерте, и здесь всегда неприятности, ты ведь сам решил остаться, а не уплыть вместе с контрабандистами.

---

[7] QARANC (Queen Alice Royal Army Nursing Corps) – Королевский армейский сестринский корпус имени королевы Элис.

[8] VAD (Voluntary Aid Detachment) – Добровольческий медицинский отряд. RAMC (Royal Army Medical Corps) – Королевский армейский медицинский корпус.

[9] Униформа сестер милосердия Сестринского корпуса.

[10] «Лонгерфильд» – армейская дальнобойная винтовка, разработанная в Королевстве и использовавшаяся в последний год Великой войны, в основном на Восточном фронте.

– В твоем напоминании нет нужды. Кыш. Она фыркнула, но дверь закрыла.

– Тебе скоро уходить? – спросил я у Рианны. – В смысле, хочу проводить тебя до причала.

– Приятная забота, – промурчала она. – Но я справлюсь. Местные акулы – настоящие джентльмены и не обижают приличных девушек. Кто их так выдрессировал?

– В Верхнем вообще живут приличные люди. – Я зашнуровывал ботинки, цепляя шнурки за железные крючки. – Когда увидимся?

– Через пару недель, надеюсь. – Она всегда ничего не обещала и появлялась внезапно, как и исчезала. – После праздников.

Наши отношения не заходили дальше ночей. Нас это вполне устраивало. И я не стал ей говорить, что не знаю, сколько еще пробуду в городе. Ни к чему ей мои заботы.

В коридорах «Кувшинки» уже было пусто. Рабочая ночь закончилась, и основной зал приводили в порядок несколько крепких уборщиков.

Надутый Пшеница восседал за дальним столом, перед ним стоял полный стакан молока. Мюр торчала у стойки, опершись на нее обеими руками, и что-то обсуждала с Сибиллой. Увидев, что я иду к ним, они прекратили разговор, и партнер Мосса поставила передо мной кофейник.

– Займи себя делом. Мы скоро договорим.

Я, возможно, такой же мрачный, как и Пшеница, даже спорить не стал. Присоединился к нему, гадая, что вообще эти две женщины, не знакомые друг с другом до сегодняшнего дня, могут обсуждать?

– Ты-то здесь какими судьбами? – спросил я у парня.

– Подвез ее. Ну и… вот. – Более подробного объяснения он предложить не захотел, хлебнул молока и с трудом не покривился. – Вообще мне надо бы домой, но твоя Сибилла меня чуть ли не за шкирку цапнула, обещав накормить.

С кухни пришла Чой, в шелковом халате на голое тело, принесла две тарелки омлета с сосисками, поставила перед нами, мило улыбнулась Пшенице, так что у того вытянулось лицо и на щеках появился румянец.

– Ну, может, и неплохо, что я сюда заглянул, – пробормотал он, берясь за вилку, когда мандаринка ушла.

Я усмехнулся, занявшись едой и периодически поглядывая на Мюр и Сибиллу. Скажем так: зная характер этих двоих, мне стоило опасаться сговора и возможных неприятностей сразу с обоих флангов.

Сметя с тарелки завтрак со скоростью летящего снаряда и допив молоко, уже не морщась, Пшеница вскочил и пожал мне руку.

– Свобода! Пора на работу.

– О. Так ты сознательный гражданин? И кем трудишься на благо Риерты?

Парень отчего-то смутился, но ответил:

– Почтальоном. На севере Метели. Ладно, увидимся. Пока!

Он мышкой прошмыгнул мимо Сибиллы к выходу.

Через несколько минут ко мне подошла Мюр, плюхнулась на рядом стоящий диван.

– Привет, Итан. Милое местечко вы с Рин выбрали. Я думала, ты снимаешь квартиру.

– Здравствуй. Не успели добраться туда из-за начала комендантского часа. А «Кувшинка» всегда гостеприимна к старым друзьям. Я почти месяц тебя не видел, как твоя нога?

Она пожала плечами чуть более небрежно, чем следовало:

– Не так плохо, как я думала. Мне больше неприятностей доставила реакция Вилли, когда он узнал, что я сделала.

– Но ты хромаешь.

Девушка серьезно кивнула:

– Конечно. Нож плакальщика умеет доставить хлопот, но я уже почти здорова. В конце концов, я люблю врача, и он заботится о моем здоровье. По сравнению с этим, – она провела пальцем по шраму у себя на лице, – нога – не самое страшное в жизни, и царапина стоит результата, которого мы добились.

– В смысле того, что мы узнали о контаги? Или ты о смерти ручного чудовища дукса?

– Обо всем.

– Ты читала вчерашнюю газету? Готовится закон об отмене обязательного многочасового труда, промышленников лишат возможности охотиться на профсоюзы и запрещать их на своих фабриках, будут повышены пособия тем, кто работает на тяжелом производстве, и обучение для одного из детей в семье станет в школах бесплатным. Простым людям в Риерте станет жить легче.

– Станет ли? Мотория травит нас и превращает в чудовищ. И никуда не делся закон «Город без контаги». А это значит, что правительство все так же может без суда и следствия хватать любого гражданина и отправлять его в Старую Академию. Любого.

– То есть ты не остановишься в своем бесполезном деле.

Ее усмешка вышла отнюдь не злой.

– Отрадно, когда друзья считают, что ты тратишь свою жизнь на ничто.

– Друзья нужны для того, чтобы предостерегать от ошибок, – не смутился я. – Знаешь, к чему приводит подобная игра, если из нее вовремя не выйти?

– К смерти.

– Правильно, Мюр. Рано или поздно результат всегда одинаковый – государство в выигрыше, а те, кто борются с ним, в могиле. Было бы очень печально узнать, что ты погибла в какой-нибудь глупой перестрелке, так ничего и не изменив.

– Ты беспокоишься о моем будущем?

– На свой манер. Как друг.

Еще одна легкая и немного грустная улыбка была мне ответом.

– Каждый выбирает свою цель в жизни, Итан. Я хочу остановить дукса. Ты – искиров. Могу тебя уверить, что не стремлюсь лезть в неприятности в сложившихся обстоятельствах. Сейчас говорят о всеобщей стачке, у Риерты есть шанс для революции, если недовольство рабочих попытаются подавить. Надо лишь, чтобы возмущение народа достигло предела.

Я фыркнул, поражаясь, что она не понимает.

– Возмущение народа такая же капризная вещь, как удача в игорном заведении. На мгновение вспыхивает и тут же гаснет. На возмущении легко можно устроить стачку или скоротечный бунт в Стальной Хватке и Верхнем, но не революцию.

– Да. Я знаю, что для революции нужны деньги, – согласилась девушка, подпирая кулаком щеку. – Много-много чудесных банкнот, которые непонятно откуда взять.

– Прошли те золотые времена, когда на монеты можно было нанять полк кондотьеров, который шпагами и алебардами сместит правителя с трона. Да и вспомни, когда в последнее время народ смог захватить власть?

– Революция в Республике?

– Тысяча семьсот шестьдесят восьмой год. Больше ста пятидесяти лет назад. И на борьбу их поднял четырехлетний голод, а также череда войн с соседями. Тогда от бед все уже порядком устали. Но чем это обернулось спустя десять лет анархии? Народ успокоился, поняв, что увяз в гражданской войне и коалициях бывших революционеров, которые теперь рвали глотки друг другу. Пришли военные из Ордена Марка, перебили это недоправительство, на трон посадили нового короля из числа республиканских дворян, пускай и называют его теперь первым министром.

– И к чему ты?

– К тому, что с тех пор мир изменился, как и революции. Риерта тому примером.

– Вот как? – не поверила она.

– Возьмем, к слову, убийство прежнего дукса. Все случилось в среде генералов, министров и аристократов, без привлечения горожан. И такое происходило не только в Риерте. Но и в Йевене. Когда князь решил потратить весь бюджет страны на постройку никому не нужных сказочных замков, бароны объявили его сумасшедшим и тихонько придушили в спальне, найдя более равнодушного к архитектуре преемника. А Сплав? Лидеров парламента обвинили в государственной измене и намерении передать восточные рубежи под управление рузцев. Паны успели сбежать в Королевство, организовали правительство в изгнании, но в Сплаве восемь лет уже другая власть, и местные ее легко приняли. О том, что произошло там, – я поднял палец вверх, указывая правильное направление на небожителей, – граждане узнают через неделю или две из утренних газет. Никто в нынешние времена в момент переворота не делает ставку на народ.

Мюр сверкнула глазами, собираясь возражать, но решила послушать дальше, когда я вскинул руку, прося не перебивать.

– Обычных людей, таких как я, в мире больше, чем аристократов и богачей. Мы пашем на заводах, живем простой и незаметной жизнью, платим налоги, сражаемся и умираем в войнах за свою страну, растим детей и стараемся жить. Мы – сила, которая почти всегда спит. И умные люди ее предпочитают не будить без нужды, потому что, проснувшись, мы хотим хорошей жизни, такой же, как у тех, кто получил ее по праву рождения. У нас появляются требования, и, почувствовав свою власть, свою способность смещать то, что казалось незыблемым, самим управлять страной, потому что мы ничуть не хуже богатеев и аристократов, мы становимся опасными. И хрен заставишь нас вновь уснуть.

Тут она согласилась:

– Да. Народ как паровой кузнечный молот на фабрике. Долго разогревается, сильно бьет и никогда не останавливается мгновенно.

– Вот-вот. И когда во время революций такая сила входит в раж, то ее нельзя взять и убрать подальше с глаз. Она сносит на своем пути даже тех, кто заставил ее пробудиться. После остаются лишь развалины да пепелище, поэтому сильные мира сего предпочитают устраивать перевороты без привлечения черни. Ею сложно управлять. Так что просто наберись терпения, дождись, когда аристократов достанет дукс и они справятся собственными силами, как это делают теперь во всех других цивилизованных странах.

– Знаешь, – сказала Мюр серьезно, – не хочу сегодня говорить обо всем этом. Я вообще пришла к тебе по другой причине. Завтра Праздник Звезд. Как ты относишься к карнавалу?

Я постарался скорчить самую мрачную, скептичную и пессимистичную рожу из своей обширной коллекции «Первый брюзга и главный мизантроп года». Зеркала в прямой видимости не было, но, судя по ее реакции, мне удалось высказать все без слов.

Праздник Звезд – ежегодное торжество в Риерте, посвященное основанию города и первой династии дуксов. Ночь, фейерверки, украшенные огнями лодки на всех каналах, карнавальное шествие, хурма, улитки и шампанское. Народ празднует и на Холме, и в Трущобах. Здесь просто обожают традиции. Но я тот еще бука, так что, когда после войны оказался в Риерте, каким-то образом умудрился пропустить веселье. Если честно, на этот год у меня были примерно такие же планы.

– Понятно, – огорчилась девушка. – Итан Шелби и веселье вещи несовместимые?

– Ну зачем ты так сразу? – рассмеялся я. – Обожаю веселье, но не очень понимаю ваши традиции. Нацепить на рожу маску и прыгать целую ночь, вливая в себя алкоголь, а утром проснуться незнамо где и с кем, это не то, чем я привык заниматься в свободное время. Не думал, что ты любишь такое.

– Мне нужен спутник на праздничную ночь. – Она серьезно посмотрела на меня, не желая отшучиваться.

– Хм… – Я немного удивился и осторожно уточнил: – А как же Айан?

– Я предпочла бы твою компанию.

Тон ее был очень ровным и подчеркнуто нейтральным. Мы секунд тридцать «развлекались» тем, что играли в гляделки, и она предложила:

– Проводи меня до пристани. Поговорим по пути.

На улице шел снег. Крупные хлопья падали на желтые листья и в лужи, исчезая там без следа. Мюр подняла воротник пальто, сунула руки в карманы и, слегка прихрамывая, зашагала рядом со мной. Мы пересекли холодный пустырь, направились вдоль подтопленного берега, где навалили мешки с песком, пытаясь остановить разбушевавшиеся волны. В сером небе кричали редкие чайки, сражающиеся с порывами сильного ветра, и было довольно тоскливо.

– Я заглянула к Кроуфорду вчера. Он витает в грезах и плачет о том, что его донимают молотки.

– Надо зайти к нему, – буркнул я. – Хибара, скорее всего, вымерзла, а ему в таком состоянии плевать на окружающее.

– Поэтому я оставила с ним Айана. Он за ним присмотрит.

– Эм… – протянул я, крайне не обрадованный этой новостью. – Не очень разумное решение. Юэн наркоман и когда оказывается во власти кошмарных грез, то порой не понимает, где вымысел, а где реальность.

– Да знаю я все про него. Поэтому спрятала нож и револьвер. К тому же Айан с ним не в первый раз. Кроуфорд, конечно, со странностями, но своим вреда не причиняет, даже выкурив все запасы серого порошка.

– Помнишь, каким он был на острове Хенстриджа?

Она призадумалась.

– Хочешь сказать, полковой капеллан может стать слишком опасным? Несмотря на то что мой врач сильнее, крепче и моложе его?

Я остановился, посмотрел на нее с печалью:

– Вилли кретин, раз сказал тебе такое. Когда Юэн попал в наш отряд, веры в нем было столько же, сколько в искирах желания прекратить войну. То есть ни капли. Он самый опасный и опытный солдат из всех, кого я встречал. По обе линии фронта. SWS[11]. Лодочный отряд Специальной Водной Службы Ее Величества.

Она несколько мгновений смотрела на меня, пытаясь переварить эту информацию.

– Да… Ты хочешь сказать, что он…

– Подготовленный убийца, которому не нужны нож и револьвер, чтобы прикончить голыми руками крупную гориллу, работающую в доках. Не говоря уже об Айане или мне. Его эскадрон перебила артиллерия искиров на границе Компьерского леса, и он месяц выживал в одиночку, устроив в чаще ад для косоглазых. Пока не нашел нас.

– Знаешь, тогда я, пожалуй, позову Белфоера, и мы перевезем Юэна в дом на болотах. Надо же. Не думала, что он герой войны.

Я улыбнулся криво:

– Все, кто ее прошел, герои… в той или иной степени. Ну и убийцы тоже. Парадокс новых времен, когда всякие границы стерты, а понятия перемешались между собой. Итак. Ты была у Кроуфорда… – Я постарался вернуть ее к началу разговора.

– Да. Он плачет и жалуется на молотки. А еще говорит о разном. В том числе и о том, что ты встречался с Уитфордом.

Я буркнул:

---

[11] SWS (Special Water Service) – Специальное подразделение вооруженных сил Королевства. Легендарный Двадцать первый полк, большинство солдат которого погибло во время Великой войны. Проводит разведку сил противника, диверсионные операции и пр.

– В Риерте просто не бывает тайн. Особенно если их знает наркоман. Именно поэтому ты пришла ко мне?

– Не хочешь мне рассказать, что происходит? Раз уж Уитфорд не желает распространяться о ваших совместных делах.

– Ты уже и с ним успела побеседовать?

Она развела руками:

– Из бреда Юэна я поняла, что ты помешал его планам. Уитфорд опасный человек, и я должна была убедиться, что он помнит мою просьбу насчет тебя.

– Твое беспокойство приятно. И да. Он помнит. Видишь же, со мной ничего не случилось, и твой богатый знакомый не оторвал мне ни рук, ни ног. Очень любезно со стороны первого заместителя министра вод.

– Не сомневалась, что со временем ты узнаешь о нем все, что можно. Он не стал делиться со мной подробностями, но предупредил насчет тебя.

Я вздохнул:

– Чертов ублюдок решил тебе рассказать мою страшную тайну про ингениум? Он, кстати, в курсе о тебе?

– Про меня он не знает, и я этому очень рада. Кроме ингениума он назвал и другую твою тайну, что ты работаешь на Королевскую службу и твои цели могут быть совсем иными, чем я рассчитываю.

Старина Уитфорд умеет изящно забивать клинья в нужные места. В этом ему не откажешь.

– Просто скажи правду, – попросила она.

– И ты поверишь?

– Тебе – поверю, – твердо ответила Мюр.

– Не имею никакого отношения к шпионам Королевства.

– Хорошо. Впрочем, меня бы не смутило, если бы служил Ее Величеству. Уитфорд ничего не рассказал, так что мне пришлось вернуться к Кроуфорду и просто слушать.

Я сделал себе мысленную зарубку – никогда не посвящать в важные дела людей, сидящих на сером порошке. Раньше не замечал, что Юэн под кайфом настолько словоохотливый.

Впереди показалась пристань – серая, грубо сколоченная конструкция, сваи которой почти исчезли под поднявшейся водой.

– Что он еще разболтал?

– Ты ищешь Кражовски, и наш общий богатый знакомый пообещал тебе ответы.

– Я удивлен, что вы их не узнали. При таком-то своем человеке в Министерстве вод.

– Все очень просто. У нас с ним разные цели, и они лишь изредка пересекаются. Но есть дела, в которые мы не будем его посвящать, как и просить об услугах.

– Потому, что, сунув руку в пасть крокодилу, можно потерять и голову?

– Всегда знала, что ты очень наблюдательный. Иногда быть обязанным некоторым людям – серьезная ответственность. К тому же у него не было причин нам помогать.

Я прищурился:

– Даже если бы попросила мисс Бэрд?

– Но я бы не попросила. – Ей было неприятно говорить о нашем общем «друге». – Не после того, как узнала, что Кражовски обокрал Хенстриджа. Ради него я не стала бы залезать в долги к Уитфорду. И, как видишь, оказалась права. Ты так очаровал нашего аристократа, что все узнал и без моих умоляющих глаз. И теперь я жду, что поделишься информацией со мной.

Если честно, в моих планах не было посвящать ее в свои дела. Но, зная Мюр, я примерно понимал, чего от нее ждать, если я отправлю ее прочь. У нее останется лишь один вариант – те самые «умоляющие глаза» и Уилбур Уитфорд. Тот, чтобы заработать себе очки, уступит, он

ведь не дурак ломаться из-за такой ерунды. Я же не горел желанием, чтобы девушка была чем-то обязана «крокодилу». Да и вообще находилась с ним рядом.

И дело не в ревности, как может кто-то подумать. Отнюдь.

Просто я знаю людей, подобных ему, встречал таких и на фронте, и в Хервингемме, так что могу предугадать последствия близкого общения с данным типом. Такие уничтожают всех, кто подходит к ним слишком близко, потому что их интересуют лишь собственные выгоды. А тьма, что они источают, пожирает любого.

– По словам Уитфорда, Кражовски забрал Брайс.

– Ого! – Она посмотрела на меня одним глазом, сказав с задумчивостью: – Если, конечно, это правда.

– Мне приходится опираться на свое чутье. А оно говорит, что такой расклад возможен, ведь Брайс легко мог быть в курсе того, чем занимался Хенстридж. И даже больше – Брайс все это знает, потому что Кражовски сотрудничает с ним.

– Смелая версия.

– В смысле нереальная? А ты подумай. Нам часто кажется – не может быть, этот человек не такой, – но люди нередко способны на гнусные поступки. В том числе и работать на врагов своих друзей, если цена подходящая. Так что я не стал бы исключать предательства. Хотя есть и еще одна версия…

– Говори уже. – Она нахмурилась, догадавшись, что я не стремлюсь озвучивать неприятные для нее вещи.

– Либо кто-то донес Брайсу на Кражовски.

– Кто? – Ее голос сел на пару тонов, потому что Мюр была неглупой девочкой и легко складывала два и два.

– Кто-то из тех, кто знал о том, что Кражовски украл у Хенстриджа. А он, насколько я помню, сообщил об этом лишь двум людям: Вилли и его помощнику из Йевена. Как его там? Вильгельм, кажется. Мы встречались в вашем логове.

Девушка гневно тряхнула головой:

– Они не могли! Я уверена.

– Хорошо, – покладисто согласился я. – Не они. Но, возможно, кто-то из ваших. Кто еще знает?

– Я выясню это. Насчет Брайса…

– Да?

– Я хочу попасть к нему в дом.

– Надо полагать, чтобы отправить его в ад?

Она нахмурилась:

– Ты считаешь меня каким-то чудовищем. Хенстридж рассказывал, что у себя в доме Брайс хранит бумаги, касающиеся плакальщиков. Все исследования, описания, их возможности и способности, тесты. Хенстридж мечтал о том, чтобы увидеть эти записи.

– Хенстридж мертв, – напомнил я. – А ты неученый. К чему они тебе?

– Мы столкнулись с этой тварью недавно, помнишь? Она живучая и смертельно опасная. Нам повезло его уничтожить. А что, если в тех документах есть что-то полезное для нас? Мы узнаем их слабые стороны, сможем противостоять на равных? Плакальщики стерегут дукса, и, пока они с ним, никто ничего не сможет сделать. Ни я, ни Вилли, ни твои «аристократы, военные и промышленники».

– Они охраняли и прежнего дукса, – возразил я. – Сама видишь, к чему это привело.

– Мерген нашел рычаги влияния на них. Теперь мы должны поступить точно так же. Ты заинтересован в поисках Кражовски, а я – исследований. Давай объединим усилия.

– Хм…

– Нет, погоди. Просто подумай над моим предложением. А пока ты размышляешь, мы отправимся на праздник?

– Хорошо.

– Хорошо? – Для нее мое согласие принять участие в карнавале звучало очень неожиданно. – Ну… Здорово! Тогда встретимся завтра, в шесть вечера, в Бурсе. Четвертая линия, дом двенадцать.

Пришлось пообещать, что я приду. Я смотрел, как она уплывает, пока водное такси не исчезло за пеленой снежной круговерти. Стрелка на часах показывала девять утра. Следовало заняться делами.

Глава третья
ПОД КРОВ СОЛНЦА

Облака все так же низко нависали над крышами Риерты, снег сыпался, точно порох из пробитой банки, ветер на улицах сбивал с ног.

Я шел по Восточному, плутая в бесконечном лабиринте улиц, которые то и дело пересекали узкие, но полноводные каналы, перебирался по налаженным деревянным мосткам там, где тротуары оказались затоплены. От воды еще сильнее тянуло холодом, кажется, весь город погружался в нее, пропитывался кирпич за кирпичом. В Хервингемме, как считают в Республике, невозможно жить зимой. Пусть неженки отправятся в Риерту на зимовку, и прекрасный ревматизм – это наименьшее, что их ожидает.

Из-за стылой погоды все топили камины, радуя продавцов угля и дров. Грузовые лодки развозили топливо по кварталам, в воздухе витал запах сгоревшего дерева, к которому примешивался аромат хурмы.

Праздник Звезд уже несколько веков не обходится без этого плода. На лотках, в магазинах, ресторанах – везде можно встретить привезенный из стран алавитов и Империи фрукт. Десятки сортов в совершенно разных видах и формах. Свежие, полежавшие на холоде, а оттого ярко-оранжевые, почти огненные и сладкие. Вяленые, чем-то похожие на финики. Порезанные на дольки, засахаренные. В сиропе, в джеме, в пирожных и даже в виде вина. Эбеновая ягода популярна среди риэртцев.

Я добрался до большой площади, украшенной древней стелой, привезенной невесть сколько лет назад из какого-то завоевательного похода на тогда еще существовавший континент Маса-Арда. Открытое пространство оказалось частично затоплено. Но не критично, так что трамваи продолжали ходить по скрытым под водой рельсам, неспешно минуя опасный участок и, возможно, представляя себя кораблями.

Кондуктор взяла с меня мелочь, выдала бледно-зеленый кусочек картона, приятно хрустнувший в пальцах. Я встал к окну, держась за полированный поручень и слушая, как поскрипывают два сцепленных между собой вагона. Внутри работала маленькая стальная печка, так что пассажирам было относительно тепло, стекла постоянно запотевали, и приходилось протирать их, чтобы не пропустить свою остановку.

Я вышел на самом востоке района, там, где о крутой берег бились волны разбушевавшегося озера. С высоты они казались маленькими и неопасными, но отсутствие мелких лодок и катеров на открытой воде говорило знающему человеку о многом. В проливах сейчас ходили лишь крупные корабли, способные противостоять беснующейся стихии. Из-за снегопада отсюда не было видно далекого противоположного берега Старой Академии, но никто из живущих здесь не забывал о страшном соседстве, с которым они вынуждены мириться.

В десяти минутах пешей прогулки, возвышаясь над районом, довлел Железный гигант. Самый протяженный, огромный и высокий мост в истории человечества. Он казался чудовищным механизированным существом, уродом, созданным гением, угрожающим великаном, заснувшим перед вечностью и превратившимся в скелет. Нагромождение колоссальных балок, ферм, диафрагм[12], крепившихся на высоченных быках и устоях[13], нависло над проливом, соединяя между собой Восточный и Старую Академию.

---

[12] Диафрагма – часть пролета моста.

[13] Б ы к и – промежуточные опоры, устои – береговые опоры.

Искиры, когда заняли Риерту, планировали взорвать мост, но так и не сделали этого. В городе шутят, что во всей Империи не хватило бы взрывчатки, чтобы поднять на воздух столько тонн металла.

Моя цель – низкое серо-желтое здание, втиснувшееся между двух доходных домов, – находилась недалеко от набережной. Раньше, еще до начала войны, этот район считался довольно престижным среди рядовых граждан, но после того, как Старую Академию превратили в заповедник людоедов, цены на жилье упали. О нет, здесь все так же безопасно, как и прежде, но многие люди стараются не думать о плохом каждый раз, когда бросают взгляд через пролив.

Так что постепенно в округе расселились куда менее щепетильные и более толстокожие жители – алавиты. Район довольно быстро стал этническим и превратился в центр торговли всяким… не самым важным в жизни товаром. Шелковыми халатами, туфлями, расшитыми серебряной нитью, пушистыми коврами, кованой посудой, мебелью из эбенового дерева, дорогими ароматами, золотыми браслетами, полудрагоценными поделками, специями и сладостями. От последних могли бы склеиться зубы даже у контаги.

Несмотря на дурную погоду, на улицах стояли немногочисленные столики кофеен и кальянных. У местных в традиции восседать под открытым небом, на проезжей части, и некоторые из них торчали за столами с утра до ночи и с ночи до утра, просиживая над одной чашкой, и плевать им на дурную погоду. Кальяном, кстати говоря, пахло так же сильно, как в кабинете Мосса, – этот запах обволакивал холодную улицу, создавая совершенно неповторимое впечатление того, что я нахожусь в каком-то ледяном сне, воздух в котором пронизан ароматами ванильного и персикового дыма.

Дверь в здание, куда я направлялся, выглядела совсем непрезентабельно: ржавые проплешины металла, тусклая ободранная краска. Для очень тупых (таких как я, видимо), повесили бумагу, где уже расползшимися от падающих снежинок чернилами написали, что магазин во время праздников не работает.

Но сделаем вид, что в данную минуту я разучился читать, намеков не понимаю, поэтому начал с того, что крепко подубасил кулаком по преграде. Разумеется, с той стороны никто и не подумал открывать, но с алавитами есть одно правило – следует проявлять настойчивость, даже когда нет никакой надежды.

Это дало свои результаты, как только «там» поняли, что упрямства мне не занимать.

Дверь отворила девушка в ярко-оранжевой, ослепляющей мое восприятие юбке. Я на секунду застыл от этого цвета, пытаясь дать оглушенному мозгу возможность преобразовать оттенки во что-то менее шокирующее. Потом с усилием пришлось заставить себя поднять взгляд и встретиться с темно-карими, подведенными сурьмой глазами. Она была совсем молоденькая, а улыбка у нее оказалась замечательная, и лишь только внимательный человек мог понять, что равнодушия в ней куда больше, чем напускной доброжелательности.

– Мы закрыты из-за праздников, господин. Но на соседней улице есть магазин, который тоже торгует лампами.

– Очень печально, – огорчился я, словно всю жизнь мечтал приобрести алавитскую лампу. – Ну тогда хочу быть вашим гостем под солнцем.

Она засомневалась лишь на краткое мгновение, но законы гостеприимства ее народа не позволяли отказать.

– Конечно. – Вновь улыбка, правда, теперь еще менее радушная. – Лучи его тепла касаются каждого.

Девушка шагнула в сторону, позволяя мне войти, закрыла дверь и показала рукой, украшенной многочисленными серебряными браслетами и кольцами, чтобы я шел за ней.

Мы миновали вход в магазин, свернули в темный и короткий коридор (где-то за тонкой стенкой плакал младенец) и еще через одну дверь вышли в квадратный внутренний дворик.

Сейчас заснеженный, с четырьмя старыми, давно уже сбросившими листву вишнями, растущими вокруг белой беседки, чем-то похожей на клетку для канарейки – почти прозрачные прутья стенок собирались в пологий купол. Толстые ковры, подушки, теплые одеяла, маленький ажурный столик на низкой ножке, чтобы за ним было удобно сидеть тем, кто расположился на полу.

Вообще, беседку точно выдернули из другого мира, так как она оставалась единственным ухоженным и аккуратным местом во дворе, среди сваленных в кучу старых досок с торчащими из них ржавыми гвоздями, пустой собачьей будкой, огромной грудой угля, ничем не прикрытого от непогоды.

– Пожалуйста, садитесь.

Внутри оказалось так же холодно, как и на улице. Рядом на треноге стояла печка, сделанная из маленькой стальной бочки. Сейчас остывшая, так что я, ничуть не стесняясь, накрыл колени одеялом из верблюжьей шерсти.

Ждать пришлось минут пятнадцать, но я всегда отличался терпением. К тому же в данный момент развлекался тем, что изучал все оттенки белого на лежащем во дворе снегу. Наконец хозяйка вернулась с очень маленькой чашкой крепкого кофе, всего на один глоток, стаканом воды и расписным блюдцем, где лежали длинные пастилки из хурмы. Она была столь любезна, что растопила стальную печку, кинув в нее несколько крупных кусков угля.

И снова ушла. Теперь уже на час.

Законы гостеприимства были соблюдены, и, если солнце спросит, ей не в чем будет себя упрекнуть. Я скучал, меланхолично грыз пастилки, прислушиваясь к своим ощущениям и отмечая, как где-то под грудиной начинает пробуждаться огонек моего дара. Только что милая подруга тень отправила мне телеграмму: «Скоро буду тчк».

Мы как любовники, которые причиняют друг другу боль, расстаются, но не могут друг без друга и вновь сходятся. Чтобы причинить новую боль, а со временем и убить партнера. Причем мы оба знаем, кто из нас умрет первым.

Когда девушка вернулась, она спросила у меня негромко:

– Господин всем доволен?

Это был намек, что пора уходить.

– Благодарю, – сказал я, оставаясь на месте. И она, не скрывая досады от того, что я намеков не понимаю, поинтересовалась:

– Господин желает еще кофе?

– Господин желает невинность.

Она опустила глаза:

– Это оскорбительно.

Я вздохнул с отеческой печалью:

– Милая, думаю, ты понимаешь, зачем я здесь. Они достаточно насмотрелись на меня, так что пора переходить к делам.

Девушка села напротив с обреченной покорностью матери, которая должна объяснять очевидные вещи глупому сыну, взяла мою правую руку, сняв с нее перчатку. Посмотрела на ладонь, как опытная гадалка, и сказала уже холодным тоном:

– В богатых кругах Риерты обожают духов. Спиритические сеансы хорошо кормят многих моих знакомых. Я не занимаюсь враньем с хрустальным шаром, в то общество дорога для моей семьи закрыта, мы слишком низки для этого. Обычные жители предпочитают гадание по руке, и в этом я настоящий мастер. Я вижу правду, но всегда лгу. Вот здесь, – она тронула одну из линий, – я говорю, что человека ждет богатство. Вот тут хорошая жизнь. Здоровье. Жена. Дети. Красивые и доступные женщины. Успех. Власть. Везение в азартных играх.

Перечисляя, она двигалась по рисунку на моей коже. Я кивнул, не убирая ладонь из ее холодных пальцев:

– Ты говоришь людям то, что они желают услышать и за что готовы платить.

– Так и есть, господин. Ложь приносит легкие деньги, и все остаются довольны. Но сегодня вам повезло, и я не стану лгать. Нет смысла разбирать рисунок судьбы, чтобы сказать, что вас, возможно, ожидает смерть, если вы не уйдете.

– Я в твоем доме, куда ты пригласила меня по доброй воле, – напомнил я. – Закон запрещает причинять мне зло.

Поняв, что убедить меня не получится, она резко разжала пальцы и не стала скрывать, как тяготит ее беседа:

– Вы ведь не будете сидеть здесь вечно. А закон не распространяется на гостя, если он вышел на улицу.

– Сколько тебе лет?

Ее удивил мой вопрос.

– Пятнадцать.

– Так юна.

– Я достаточно взрослая, чтобы говорить за всю семью. И угрожать от ее имени незнакомцам.

– Юна, – повторил я. – Иначе бы знала, что не всегда стоит расточать угрозы. Вопрос любого выживания заключается в том, чтобы не идти на конфликт, когда для этого нет очень веских причин. И уж тем более не предупреждать о том, что можешь сделать. Так что я все еще желаю невинности, девочка.

Взгляд у нее был совсем не как у пятнадцатилетней. Все говорят, что дети алавитов взрослеют гораздо раньше. Спорное утверждение для того, кто проводил свое детство на улице, подальше от папаши-пьянчуги.

– И почему же она должна достаться именно вам?

– Хотя бы потому, что невинность стоит дорого. – Я положил на стол толстую пачку банкнот.

Цинтуры ее не впечатлили.

– Вы иностранец.

– Из Королевства.

– А еще вы похожи на убийцу. Вы убийца, господин?

– Время от времени, – пришлось признаться мне. – Думаю, про многих мужчин моего поколения так можно сказать.

Алавитка молчала с минуту, затем посмотрела на далекие темные окна, видно приняв решение, взяла деньги, собрала пустую посуду и, ничего не говоря, ушла. Вернулась назад на этот раз очень быстро, неся в руках массивный поднос из серебра. Поставила на стол передо мной, никак не комментируя.

Я положил на него извлеченный из кобуры «Стук» и складной нож.

– Это все?

– Да.

– Прямо. Вас встретят.

На противоположной стороне двора меня ждали двое. Толстяк, похожий на грушу, щеголял в меховой распахнутой безрукавке, наброшенной на голый торс. Он был моего роста и казался оплывшим снеговиком, но, думаю, этот парень достаточно силен, чтобы побороться с медведем. Его друг – носатый бородач в смешной шапочке с помпоном, держал короткий дробовик с обрезанными стволами, глядя на меня с нескрываемым любопытством.

Толстяк лениво пошевелил пальцем, и я понял, что он просит меня поднять руки. Быстрый и тщательный обыск убедил его, что я не вооружен, и мягкая лапища несильно подтолкнула меня в спину, заставляя идти первым.

По пути он несколько раз очень легко касался моего плеча, заставляя поворачивать в нужном направлении. Наконец мы оказались на кухне.

Огонь гудел в двух больших печах, окна открыть никто не удосужился, и было настолько жарко, что я мгновенно взмок. Готовилась еда, в котлах и кастрюлях булькало, какой-то тип в расшитой бирюзовыми нитками алавитской рубахе жарил лук на чугунной сковородке, пахло бараниной, сладким перцем и терпким медом.

В дальнем углу сидела необъятная туша, в которой тяжело было узнать человека. Настоящий гигант, состоящий из складок жира, столь непохожий на человека, что на несколько мгновений я решил, будто хозяева завели себе ручного контаги. Но нет. К чудовищам, рожденным от мотории, он не имел никакого отношения. Просто кто-то всю жизнь был очень неуемен в жратве.

Он расположился на маленьком табурете, непонятно каким образом выдерживающим столь колоссальный вес, и вязал из ярко-розовой шерсти… кажется, это был шарф. Хотя сильнее всего получающаяся вещь напоминала палатку. Большому человеку большая одежда.

Жаривший лук убрал сковороду с огня и повернулся к нам. Уже немолодой и невысокий алавит носил на крючковатом носу пенсне, а его редкая и жидкая борода напоминала козлиную. Лицо не слишком приятное, «тертое» жизнью, человека способного на решительные поступки и повидавшего много смертей.

Он бросил на меня безразличный взгляд, вытирая руки полотенцем, взял половник, зачерпнул из кастрюли мясного бульона, налил в высокую светло-синюю миску. Поставил передо мной, положил тут же ложку:

– Хочу узнать твое мнение. Эти могут только нахваливать.

Всегда готов высказать свое экспертное суждение по поводу чужой стряпни, особенно когда мой вкус пока еще при мне.

– Не хватает соли.

Он кивнул, словно бы и не сомневался в том, что я скажу, отправился досаливать бульон.

– Знаешь, что меня всегда злит?

– Когда ты торгуешь щекотливой информацией, но не имеешь никакого представления, кто к тебе пришел? – предположил я.

– Даже не понимаю, о чем ты, иностранец. Моя семья три поколения живет в Риерте и торгует лампами, а не информацией. Мы мирные люди и сейчас, как и все граждане, готовимся к Празднику Звезд. А злят меня чужаки перед праздниками, которые пользуются нашим гостеприимством. Традиции моего народа не позволяют вышвырнуть тебя за дверь, если ты не нарушаешь правил.

– Хочешь, чтобы я ушел?

– Очень обяжешь.

– И даже не поинтересуешься, откуда я знаю о твоем магазине и невинности?

Его колебание можно было и не заметить, таким скоротечным оно оказалось.

– Невинность… Она устарела уже лет десять как. Откуда ты выкопал такую древность, иностранец?

– Мой друг как-то обмолвился, что за интересными секретами надо идти в магазин ламп и назвать этот пароль.

– Имя у друга есть?

– Арви. И ты ему должен.

Он едко фыркнул, выражая всю гамму своих отрицательных чувств ко мне, к Арви, к моим словам и желаниям.

– Я выплачу долг на той стороне солнца, иностранец! И должен я ему, но не тебе, а так как он завершил свой путь в петле… – Алавит развел руками, показывая, что теперь с него и взятки гладки.

– Долг может потребовать семья. И он священен. Ведь так по вашим законам?

Я начал его порядком раздражать знанием алавитских правил. Но ему пришлось признать с большой неохотой, что я прав:

– Так. Но ты не риертец и не его родственник. Или наберешься наглости назваться троюродным кузеном?

Троюродный кузен – слишком далеко. Мы были как братья, но своему собеседнику я не собирался этого говорить.

– Нет. Но я мог бы попросить Сибиллу. – Я увидел, как сузились его глаза. – А ты, полагаю, достаточно хорошо знаешь ее. Мне придется рассказать, какой долг у тебя перед ее сыном и почему он возник. Твоя тайна словно карточный домик, дорогой торговец лампами. Малейшее дуновение ветра, и все развалится. Ведь Сибилла, поняв, что случилось, вполне возможно, захочет снять с себя ответственность и перекинет это с больной головы на еще более больную. Старуха же до сих пор ищет человека, который продал имя одной из ее кукол «Шильду» Йевена?

После моих слов даже спицы перестали стучать друг о друга. Все очень заинтересовались тем, что я говорил.

– Старуха не склонна закрывать глаза на неприятности за давностью лет. Арви прикрыл тебя, хотя и не обязан был, замел все следы, чтобы никто не пришел к тебе, и все это, – я обвел помещение рукой, – существует благодаря ему. Твой магазин. Ты. Даже та маленькая злая девочка, что столь мило гадала по моей руке.

– Слышал я о тебе, – внезапно сказал алавит. – Рыжий ублюдок, который помог Арви и Моссу восстанавливать их золотую гору. Это ведь ты ударил спятившую куклу? Как думаешь, сколько Старуха даст за твою голову?

Хорошая попытка.

– Понятия не имею. Но ты можешь поинтересоваться об этом у Капитана на старой таможне. Мы с ним мило общались какое-то время назад. Он ужасно любезный человек несмотря на то, что работает на одну даму из Трущоб.

Он сразу скис, понимая, что нужные люди и так уже в курсе, что я вернулся в город.

– Ты достаточно смел, раз пришел сюда с угрозами, иностранец. И мне очень любопытно, что такого важного тебе понадобилось, раз ты стольким рискуешь.

Я красноречиво скользнул взглядом по сторонам, говоря этим, что здесь довольно многолюдно, чтобы обсуждать серьезные дела.

Мы вдвоем вышли в коридор и вернулись назад, во внутренний двор, к беседке. Сопровождающие топтались в отдалении, не желая оставлять своего босса в одиночестве.

– Говори.

– Мне нужен план территории особняка Брайса. Расписание охраны, слабые участки периметра. Любые детали, какие помогут попасть туда и уйти незамеченным.

– Я торгую информацией по Риерте. Иногда. Щекотливой. Порой. Где пройдет фургон инкассаторов. Кто купил дорогое ожерелье, кто с кем спит и когда в порт придет контрабандный товар. Информация слетается ко мне отовсюду. Порой она так и остается невостребованной, бесполезной. А та, что идет от меня дальше, никогда не приводит сюда, а значит, не вредит моей семье. То, что ты просишь добыть, – смертельно опасно.

– Не опаснее Старухи, уж можешь мне поверить. Тогда же ты рискнул, продал секрет другому государству и, как видишь, жив и здоров.

– Не стоит дважды напоминать мне о моих ошибках, гость, – нахмурился он, и я увидел, как ему хочется, чтобы я провалился к чертям.

– Понимаю твою осторожность.

– Что ты там понимаешь! – Он наконец-то показал свой гнев. – Тебя проще убить, чем влезать в нору скорпиона.

– А как же законы солнца? – с иронией полюбопытствовал я.

– Да плевать на законы, рыжий. Я отмолю эти грехи, они мелочь по сравнению с выживанием семьи, – уже без злости, но с видимой усталостью сказал мой собеседник. – Так что я еще подумаю… что сделать. Ты проблема, и от нее проще избавиться, чем искать долгое решение. Ну? Скажи.

– Что сказать? – невинно поинтересовался я.

– Что ты подстраховался и если исчезнешь, то Старуха точно меня достанет.

– Не хочу, – равнодушно ответил я, хотя и не мог игнорировать угрозу. Я знал, на что шел. – Холодает, Меликен. Я, пожалуй, откланяюсь. Добудь мне, что я хочу. Уверен, с твоей сетью осведомителей это будет выполнимой задачей. Оставь для меня сообщение в «Кувшинке». У тебя неделя.

Мне нужен Брайс. Нужны ответы. И для этого приходится стать злым парнем, иначе не будет никакого результата и Сайл обойдет меня.

Вот уж нет.

Я вышел из беседки, так как говорить больше было нечего. Мы обменялись угрозами и застыли напротив друг друга, балансируя на краях опасно раскачивающейся шахматной доски. Проблема для нас лишь в том, что если один постарается сбросить другого, то и сам рухнет вниз.

У выхода меня ждала все та же девушка. Она молча указала на поднос, на котором лежал мой «Стук», нож и пачка цинтур. Последним я не стал удивляться. Некоторые люди, надо отдать им должное, не берут деньги просто потому, что могут это сделать, когда им их предлагают.

Глава четвертая
ЖЕЛЕЗНЫЙ ГИГАНТ

Высокий забор перекрывал путь на Железного гиганта, но власти, явно полагая, что этого мало, соорудили еще и укрепленный жандармский пост. На мощной опоре, обшитый броней, вооруженный двумя станковыми пулеметами, он занимал стратегический перекресток, контролируя подступы сразу с нескольких улиц.

На здание рядом, ближайшее к мосту (раньше, насколько я слышал, там располагалась швейная фабрика) установили три прожектора, каждый мощностью в девяносто миллионов свечей. За забором, пытаясь дотянуться до облаков, торчала нелепая хромированная зубная щетка – сплошь металл, провода и странные стеклянные емкости.

Последний рубеж обороны, какое-то новое детище лабораторий Брайса, обогнавшая время охранная система, принципов работы которой никто не знал. Поэтому такие штуки (еще их поставили вокруг дворца дукса) обрастали мифами, легендами и теориями.

Самые «умные» искренне считали, что Брайс – ставленник Сатаны (ну, репутация ведь великая вещь, а она у него была, мягко говоря, не очень) и, следовательно, эта штука отправляет прямиком в ад всех неугодных. Кроуфорд на подобную теорию лишь сплюнул и проворчал:

– Можно подумать, это они курят серый порошок, а не я.

Ни одну из «зубных щеток» никогда не видели в действии, но газетчики уже объявили ее самым зловещим изобретением человеческого разума за всю историю. И кое-кто из гуманистов сразу же завел шарманку о том, как плохо использовать некоторые способы убийства ближнего своего. Это довольно забавная формулировка, ибо выходило, что убивать другими способами можно сколько угодно. На месте борцов за гуманное оружие я бы перевел свое внимание на газы. Со времен Великой войны прошло до черта времени, но ни один правозащитник не заикнулся о том, что пора запретить эту дрянь. Всех отчего-то страшат лишь новые технологии, хотя старые без всяких проблем способны хорошо проредить человечество, лишь бы дул подходящий ветер.

Впрочем, вернемся к Железному гиганту и его охране. Надо заметить, что при всех этих ухищрениях сторожили его чисто номинально. Исключительно от назойливых туристов, не в меру любопытных граждан и десятка городских сумасшедших, желающих попасть на ту сторону, чтобы поговорить с контаги.

Газеты писали, что месяц назад какой-то верующий пытался перелезть через забор, дабы наставить чудовищ на путь истинный. Право, когда его поймали, даже арестовывать не стали.

Всех нормальных людей (а я склонен верить, что нас куда больше, чем психов) мост совершенно не интересовал. Ну, в смысле, в том его положении, в каком он находился сейчас – центральная секция поднята, и у чудовищ не имелось никакой возможности перейти на жилую часть города. Прохожие спешили по своим делам, погода портилась на глазах, и вновь начал сыпать мелкий снежок.

Возле бара «Зонт бродяги», напротив жандармского поста, собралось много студентов – по случаю скорого праздника владельцы сбросили цены на свежее пиво. Торговец газетами кричал о новостях из Конфедерации, где завершились скандальные выборы в сенат, и несколько человек окружили его, разыскивая в карманах мелкую монету. Скучал чистильщик обуви, у которого не было клиентов, мимо него, толкая перед собой тележку, груженную дровами, прошел старик в распахнутом пальто. В ближайшем овощном киоске, разумеется, продавали хурму, и дородный продавец перетаптывался на месте, пытаясь согреться.

Гудя клаксоном, проехал мобиль-цистерна крупной пивной компании, затормозил перед баром, ожидая, когда распахнут ворота. Почти сразу же за ним появился еще один мобиль, современный, с закрытой кабиной, на этот раз фургон. На его борту было написано «Бакалея тетушки Маргари». Водитель намеревался припарковаться рядом с цистерной, но машина перекрыла проезд для конных повозок, и ему пришлось переставить фургон на другую сторону улицы, почти в упор к жандармскому посту. Судя по реакции двух жандармов, куривших неподалеку, подобное уже случалось, и они даже не сделали попытки заставить его найти другое место для остановки. Вполне возможно, что благодаря такой «слепоте» владелец бара наливал служителям закона бесплатную кружечку.

А может, и не одну.

Три девушки в сине-белой форме лицеисток выпускного года, с тяжелыми портфелями в руках, обогнали меня, обсуждая предстоящий карнавал в Метели. Они излучали восторг и радость жизни, чего не скажешь обо мне. Мной овладела меланхолия, и я брел, никуда не спеша, сунув руки в карманы короткого пальто да поглядывая по сторонам.

Следующие несколько секунд, а возможно и минут, у меня просто вырезало из памяти. Вот я шел себе по улице, а теперь лежу среди раскиданных вокруг сотен плодов спелой хурмы и думаю, какого черта в меня влетел таран?

Мозг, к моему удивлению, работал как часы. Я трезво оценивал ситуацию, вполне себе представляя, какую часть пространства занимаю в этом гадком мире. Звуки я слышал, барабанные перепонки остались целы, и от ударной волны, отбросившей меня на пару ярдов в сторону от тротуара, я пострадал не сильно.

Впрочем, тут же пришлось пересмотреть свое мнение на этот счет, стоило лишь попытаться подняться. Ноги словно мне не принадлежали, меня «повело» в сторону, так что я решил повременить и посидеть. Лицо саднило, я приложил к правому виску ладонь, там болело сильнее всего, но кровь отсутствовала. Зато увидел, что из левого предплечья торчит похожий на иголку осколок. Я выдернул его, мысленно благодаря, что он достал меня уже на излете, а толстая ткань пальто послужила неплохой защитой. Я со злостью отбросил эту «занозу» в сторону и наконец-то увидел торговца фруктами. Ему повезло меньше, чем мне – осколок снес верхнюю часть черепа.

На том месте, где находился фургон, теперь распахнулся маленький филиал ада. Я не знаю, сколько в мобиль умудрились напихать мелинита, но рванул он знатно, точно армейский склад, в котором держали снаряды для главного калибра дредноутов. Жандармского поста больше не было. Остались лишь покореженные опоры, груда рваного железа, огромная воронка и бушующее по ее краям пламя.

Забор не выдержал взрыва и упал по всему периметру, открывая дорогу на мост. Казарме тоже не повезло, внешняя стена обрушилась вместе с крышей, большая часть улицы заполнилась пылью и дымом. О таких «мелочах», как выбитые стекла и витрины, повреждения фасадов соседних зданий, разбросанные кирпичи, я просто не говорю.

А еще были трупы. Слишком многие оказались близко к взрыву и попали под удар осколков и камней. Я поискал взглядом обогнавших меня девчонок и, разумеется, никого из них не увидел.

Вокруг меня творилось истинное зло. Люди создают его подобно тому, как муравьи строят муравейник, птицы поют, а совы ловят мышей. Это в нашей природе. И если честно, во мне тоже пробуждалось желание совершить зло тем, кто все устроил. Потому что мы чувствуем себя хорошо, делая плохо плохим людям.

Раненые кричали, кто-то катался по земле, стараясь сбить с одежды пламя. Многие, оглушенные взрывом так же, как и я, сидели на мостовой. Женщина стояла, опираясь левой рукой о стену бара, а вместо правой у нее была культя, из которой лилась кровь. Прежде чем я встал, к ней подбежал какой-то мужчина, положил на землю, начал накладывать жгут.

Жандарм с закоптевшим лицом за руки оттаскивал своего раненого товарища подальше от огня. Я решил помочь, взял человека за ноги, и мы, не сговариваясь, понесли его в переулок. Раненый беспрерывно ругался и был страшно бледен, но держался молодцом, несмотря на то что форма на его левом боку потемнела от крови.

Пивной мобиль-цистерна, чудом уцелевший, заурчал мотором – водитель намеревался свалить как можно дальше и быстрее.

– Проклятье! – сказал наш «пациент» и знаком попросил товарища зажечь папиросу. – Опять во мне дырка.

– Дай гляну, – предложил я.

Он отвернулся в сторону, не желая смотреть, что у него там, и ожидая самого худшего. Я расстегнул его китель, достал нож, взрезал промокшую рубашку. Чтобы как-то рассмотреть рану, второй жандарм снял шейный платок, протянул мне. Пока я сушил, раненый зашипел, ругнулся и затянулся папиросой.

– Ну?! – наконец не выдержал он.

– Сквозное, – сказал я. – Вышла близко к позвонкам.

– Ног не чувств…

Громкий винтовочный выстрел прервал его фразу. Пуля, прошедшая рядом с моим плечом, угодила жандарму в грудину так, что все тело содрогнулось. Дальше я уже не смотрел, так как загрохотало по всей улице, вокруг засвистело, и надо было спасать свою шкуру. Помочь я больше не мог, попадание оказалось смертельным.

Стреляли часто и с удовольствием, словно какой-то подросток наконец добрался до своей заветной мечты – оружия и теперь просаживал патрон за патроном, ничуть их не жалея. Редкое, сухое, пистолетное гавканье почти терялось в хлестких винтовочных рыках и внезапном деловитом механическом вое автоматов. Эхо выстрелов, множась, отражалось от стен зданий, металось по переулкам, словно стая испуганных летучих мышей. Несколько пуль залетели к нам в проулок, выбив темно-красную пыль из кирпичей, и я пригнулся еще ниже, думая, что надо выбираться.

Когда я достал «Стук», жандарм, с которым я тащил его уже мертвого товарища, направил на меня свой пистолет.

– Эй! – сказал я ему. – Если бы я был с ними, то не стал помогать тебе.

С кем «с ними» мы оба не знали, но прекрасно друг друга поняли.

Он был моим ровесником, а значит лишен в какой-то мере романтики юношей, готовых верить в добрые намерения всех тех, кто внезапно оказывается с ним рядом. Доверять вооруженному незнакомцу, когда только что кто-то напал на пост, поворачиваться к нему спиной и так рисковать?

Это глупо.

Суровые времена требуют жестоких действий. Даже если есть шанс, что рядом с тобой хорошие люди. Я целиком и полностью его понимал, и, не скрою, велик шанс, что поступил бы точно так же. Он выстрелил мне прямо в лоб с хладнокровием человека, прошедшего войну и не очень-то ценившего жизни незнакомых людей.

Его пистолет лишь сухо щелкнул. Соображали мы оба быстро, он сделал шаг назад, одновременно передергивая затвор, выбрасывая испорченный патрон, а я, наоборот, шаг к нему. Я сбил его правую руку предплечьем левой, так, что грохнуло у меня над ухом, подарив противный звон, и засадил рукояткой «Стука» ему в скулу, в последний момент отказавшись от удара в висок.

Жандарм рухнул с разбитым лицом на землю, но оружие не выпустил, и я наступил ему ногой на запястье, с трудом сдерживаясь, чтобы от души не добавить по ребрам. Как бы я ни понимал его поступок, этот сукин сын чуть не отправил меня к праотцам.

Его пистолет я убрал в карман пальто и приставил свой ему ко лбу, пока жандарм не догадался взяться за саблю или шоковую дубинку. Несмотря на не слишком удачно складывающуюся для него ситуацию, смотрел он на меня волком. Достойно уважения. Парень не трус.

– Попробуем еще раз. В последний. Я не с ними и просто хочу выбраться. Кивни, если понял.

Он кивнул, и я убрал «Стук» подальше от его лица, видя, как злость в его глазах гаснет. Острый край рукоятки рассек сержанту кожу, по щеке обильно текла кровь, и он мрачно вытер ее рукавом кителя, поинтересовавшись:

– Что теперь?

Я все еще не собирался поворачиваться к нему спиной:

– Тебе не кажется, что надо это остановить?

Сержант кивнул:

– Надо. Ты что, готов помочь?

– А то. У меня активная гражданская позиция.

Он лишь хмыкнул и протянул руку, желая забрать пистолет назад. Видя мое скептическое выражение лица, сказал:

– Я не держу зла. А без оружия далеко мы не уйдем.

– Извини. Придется тебе какое-то время обойтись без него. Не привык доверять словам незнакомых людей.

– Я представитель закона…

– Который только что едва не шлепнул гражданского, не разобравшись. Будем спорить, пока они не опустили мост и не открыли контаги дорогу в Риерту?

Сержант скрипнул зубами, показал на противоположный проулок:

– Сперва доберемся туда. Там мои. А дальше… Дальше решим. Молись, чтобы тебя не подстрелили, иностранец.

Не ожидая от меня никакого подтверждения, пригнувшись, он бросился через улицу. Я отставал от него буквально на шаг. Нас заметили через несколько секунд, но не успели перенести огонь, а пули прошли гораздо выше, чем требовалось.

Здесь держали оборону пятеро жандармов. Один из них, с гладко выбритыми щеками, в чине лейтенанта, перезаряжая барабан легкого револьвера, хмуро спросил у сержанта:

– Твой новый друг?

– Да, сэр.

– Тогда бери его и Демпси. Избавьтесь от стрелка, пока мы сдерживаем тех, кто прорывается через Сапожную. Он не дает никому выбраться из казармы. Шевелись!

Никаких разглагольствований. Лишних вопросов. Сомнений. И траты времени.

– Да, сэр.

Сержант вновь протянул руку, и я с неохотой вернул ему пистолет.

Угадать, сколько было нападавших, не представлялось возможным. Сперва я думал, что человек пятнадцать, но, судя по частоте стрельбы, их явно больше сорока. И я очень надеялся, что никто из моих знакомых не принимал участия в разворачивающемся безумии.

Действовали заговорщики не как романтичные студенты, начитавшиеся революционных книжек и обменявшие карманные часы на дешевый револьвер в ближайшем ломбарде. Они были достаточно опытны и профессиональны для того, чтобы организовать грамотную атаку и построить оборону. Их подготовка впечатляла.

Взрыв был лишь началом спланированной операции – способом устранения первого препятствия на пути к мосту. Люди, которые собирались возле бара, чтобы попить пива, оказались совсем не дружелюбными ребятами. Теперь они превратили питейное заведение в опорный пункт, стреляя из окон в тех жандармов, что пытались выйти из полуразвалившейся казармы.

Еще несколько огневых точек устроили на соседних улицах, заняв нижние этажи зданий, перекрыв подступы. И те, кто спешил на помощь жандармам, должны были прорываться через плотный огонь отрядов заговорщиков. К тому же террористы где-то раздобыли «Канарейку», водрузили ее на балкон, и теперь пространство то и дело разрывали яркие нити-следы от проносящихся пуль да звонкие трели.

И именно она была нашей целью. Отсюда мы бы в жизни не достали стрелка. Пройти почти четыреста ярдов по открытому пространству под прицелом «Канарейки» – из области сказок. Двоих конных жандармов, появившихся на другом конце улицы, почти сразу же срезала автоматная очередь.

В проулках и тупиках гремели выстрелы, на мосту шло сражение с участием пулеметов.

– Сержант, – сказал я. – Сможем добраться по крышам. Будет быстрее и безопаснее.

Тот нахмурил брови, оценивая мое предложение, и отстегнул от пояса саблю вместе с ножнами, бросив ее на землю, чтобы не била по ноге. Он первым взялся за металлические скобы, торчащие из кирпичной стены, и полез наверх, говоря этим, что мое предложение принято. Демпси, мой новый «друг», парень с едва проклюнувшимися усами, даже в столь плохие минуты жевал табак, то и дело сплевывая темную слюну, улыбнулся редкими зубами.

– Отличная идея, сэр.

У него, единственного из нас, был самозарядный карабин, пускай и довоенной модели, но все такой же надежный. Забросив его за спину, он поспешил следом за сержантом, предоставив мне болтаться в тылу.

Наклонные крыши обледенели, часть черепицы (кстати говоря, лежащей ненадежно) засыпало снегом, и идти вперед, а самое главное – идти быстро – выходило довольно сложно. Никто из нас не хотел упасть с высоты пятого этажа и свернуть себе шею.

Внизу события развивались совсем не в нашу пользу, так как у бунтовщиков в наличии оказался целый «броневик».

Какому-то гению пришла идея угнать пивную цистерну, прорезать в ней бойницы (до поры до времени замаскированные) и посадить внутрь бака несколько отморозков с двумя пулеметами. Не знаю уж, каково приходилось их ушам при стрельбе в таком замкнутом пространстве, но зато дурные головы были надежно защищены от ответного огня стальными стенками цистерны.

Эта машина сейчас самая настоящая заноза в заднице – она, как и «Канарейка», прикрывала наступающих. Те стремились к командному пункту, созданному конструкторами прямо на мосту, нависающему над бездной, очень похожему на корабельную рубку. Именно там находились механизмы по управлению Железным гигантом.

Пальба стояла такая, точно я вновь вернулся в окопы. Сержант, как видно тоже там побывавший, вел себя спокойно, а вот Демпси с непривычки все время вздрагивал и пригибался, считая, что все целятся только в него.

Человек стоял на коленях перед чердачным окном, поднимая откуда-то из недр здания нечто тяжелое за широкую брезентовую ленту. Демпси вскинул карабин, но я положил руку на цевье оружия, заставляя опустить ствол.

– По-тихому. Не надо, чтобы люди внизу поднимали глаза к небу и видели нас раньше времени.

Мы с сержантом все сделали быстро. Он свернул террористу шею, а я перехватил «веревку», продолжая вытягивать ее наверх как ни в чем не бывало. Вес на том конце был довольно внушительный, стоуна[14] четыре, и мне было жутко интересно, какая рыба «клюнула» на этой «леске». Когда появился характерный широкий раструб «Кузнечика», я не очень-то и

[14] Стоун – мера веса, равна 14 фунтам, около 6, 350 кг.

удивился. Вполне ожидаемо «поймать» тяжеленный пулемет, пускай он был без ящиков с лентами, без станка и бронещитка, которые, как видно, готовились к подъему во вторую очередь.

Крыша – отличная позиция, чтобы обстреливать мост.

Между тем Демпси деловито обыскал покойника и показал нам брезентовый подсумок с пятью ручными гранатами. Сержант, нехорошо усмехнувшись, взял сразу два «Яблока», одно тут же перекинул мне. Я распрямил «усики» проволоки, предохраняющие кольцо чеки от случайного выдергивания, кивнул, показывая, что готов. Мы одновременно швырнули гостинцы, сразу же откатившись от чердачного окна.

Резкие хлопки почти не были слышны на фоне сумасшедшей стрельбы. Сержант, человек добрый и обстоятельный, на этом не успокоился, решив довести дело до конца, и поставил финальную точку еще одной ручной гранатой, на тот случай, если кому-то чудом удалось выжить. После очередного хлопка Демпси смачно сплюнул вниз.

– В аду вас ждут с распростертыми объятиями, сукины дети!

Пригибаясь, мы пробежали всю крышу, оставив бесполезный пулемет там, где я его вытащил, и перепрыгнули на соседнее здание, расположенное чуть ниже. Сержант осторожно высунул голову над карнизом. Именно тут, по нашим расчетам, находился стрелок «Канарейки». И выругался, махнув нам, приглашая также посмотреть.

Винтовка и компенсаторная система валялись на балконе.

– Что его спугнуло? Мы? – не понял Демпси.

– Нет. Боеприпасы у этой штуки ограниченны, – сказал я. – Без них «Канарейка» всего лишь тяжелая кувалда. Отстрелялся и бросил.

– Так что? Мы могли сюда не приходить? Все равно бы не успели.

Могли. Если бы подумали. И если бы сержант начал перечить лейтенанту, оспаривая приказ.

– Ничего не было зря, Демпси. Мы не дали им создать пулеметную точку, а это победа, – напомнил я ему и обратился к сержанту: – Что теперь?

Ничуть не против, если он станет принимать решения за меня. Пока эти решения кажутся мне логичными, разумеется.

– Спустимся по пожарной лестнице и проулками выйдем к ублюдкам на левый фланг. Наши их все еще сдерживают.

– А эта штука нам помочь не может? – Я указал на торчащую над районом хромированную зубную щетку.

Демпси неловко кашлянул и отвел глаза в сторону, не желая ничего говорить без разрешения старшего по званию.

– Это закрытая информация, – ровным тоном произнес сержант.

– Когда такое творится? – усмехнулся я. – Поможет или нет?! И не опасно ли мне к ней приближаться?! Я, между прочим, хочу оценить риск возникновения дружественного огня.

– Не поможет, – ляпнул Демпси. – Она отключена.

– Язык доведет тебя до трибунала, а потом до виселицы, – проворчал его старший товарищ.

– Отключена? – По моей роже было понятно, что я считаю всех идиотами. Это как поставить пушки для обороны, но не подвозить к ним снаряды.

– Когда ее настраивали, она испарила одного из техников «Мотории Риерты», – угроза виселицы не очень-то испугала Демпси.

– Испарила? – Я отлично умею повторять чужие слова, если кто не заметил.

– Ну… вроде того. Мужик просто исчез у всех на глазах, а Министерство вод запретило использовать установку, пока лаборатории Брайса не исправят причину аварии.

– Обожаю технический прогресс, – буркнул я. – Вот и жди от него помощи в нужную минуту. Идем, сержант. Будем все делать по старинке.

Металлическая пожарная лестница была втиснута в промежуток между домами, такой тесный, что строителям пришлось расположить ее спиралью вокруг шеста. Треугольные ступеньки раскрывались под ногами веером, были узки, и сбежать по ним не получилось бы при всем желании. Я шел первым, держа пистолет наготове, но все равно не заметил тех, кто ждал нас внизу.

По мне стали палить, но те же ступени, только что казавшиеся такими неудобными, сыграли роль щита – две прилетевшие пули ударили в металл. Сразу после этих выстрелов сверху пролетела ручная граната. Как в кошмаре, когда все замедлилось и тебе некуда деться, ребристая «рубашка» проплыла у меня перед глазами, упала под ноги и покатилась по лестнице.

Бамс. Бамс. Бамс.

Тот чудесный миг между жизнью и смертью, где сила тяготения имеет решающее значение.

Сержант, находящийся надо мной, успел отпустить лишь что-то очень крепкое, кажется шарахнулся назад, на Демпси, но мне уже было не до того. Я постарался принять позу зародыша, жалея, что не родился черепахой и у меня отсутствует панцирь. Негромкий хлопок разрыва внизу мозг воспринял как детонацию снаряда. Осколки сыпанули в стороны, но, кажется, ни один не долетел до нас.

– Ты там жив?! – спросил сержант, и мне показалось, что он кричит из-за нервного напряжения.

Шутка ли – чуть сами себя не взорвали.

– Итан. Меня зовут Итан, – хотелось себя ощупать на предмет появления непредусмотренных природой отверстий.

– А меня Фрэнк, – наконец-то представился человек, едва не пустивший мне пулю в лицо. – Какого хрена ты творишь, Демпси?!

– Извините, сержант, – проблеял жандарм. – Поторопился.

– Ты нас чуть не отправил к чертям!

Внизу, в переулке, лежал труп, нашпигованный осколками. Я увидел девушку, и сердце у меня дрогнуло, так как цвет ее волос и их длина оказались точно такими же, как у Мюр. Лицо было изуродовано, нетронутым остался лишь фрагмент лба и правый глаз. Голубой, по счастью, а не светло-карий, даже золотистый, как у моей знакомой.

Не Мюр. Уф.

Беднягу Демпси между тем выворачивало. Соглашусь, не самое приятное – видеть, к чему приводит дело рук твоих. Фрэнк склонился над телом, поднял маленький дамский шестизарядный пистолет, сущую миниатюрную игрушку в его больших руках, деловито убрал в карман. Нашел запасную обойму и отправил ее следом за пистолетом. Оружие и патроны сейчас на вес золота.

– Демпси, хватит блевать, – равнодушно сказал сержант, отворачиваясь от трупа.

Тот вытер рот рукавом кителя, сплюнул, стараясь не смотреть на мертвую:

– Просто… она не похожа…

– На врага? – мрачно спросил жандарм. – Очнись, парень. Они такие же люди, как мы.

Я видел подобные взгляды, как у Демпси, много раз. Некоторые срывались и пускались во все тяжкие, некоторые сворачивались клубком и переставали реагировать на внешний мир. Его охватывала паника и ужас. Еще чуть-чуть, и он уже не сможет себя контролировать.

– Эй, – сказал я ему. – Она бы нас пристрелила, ты все сделал правильно. С этим придется жить, но тебе, а не ей. Это лучший выбор. Я понимаю, что тебе сейчас страшно, там, на улице, продолжают стрелять. Просто знай, что им тоже страшно. Делай свою работу, парень, держись нас и не лезь вперед, тогда все будет хорошо. Договорились?

Он помедлил, но все же кивнул, стряхнув с волос падавшие снежинки.

– Я могу на тебя рассчитывать?

Сержант поднял брови, реагируя на то, что я лезу командовать его подчиненными, однако смолчал. Демпси принял решение:

– Да, сэр.

– Ну, тогда вперед.

Мы отсутствовали на главной улице, где происходили основные события, не больше десяти минут, но все изменилось кардинальным образом.

Наступали сумерки, и набирал силу очередной снегопад. Мир поблек, размылся, стал нечетким и еще более опасным. Там, где занимались пожары, точно адские сердца, мерцали огненные пасти, изрыгающие из себя горький дым, от которого саднило горло. Трупов прибавилось как с одной, так и с другой стороны. Вспышки выстрелов раздавались и справа и слева, тяжело и часто били пулеметы, но понять, что происходит дальше чем в ста пятидесяти шагах от тебя, не представлялось никакой возможности. Начинался тот самый привычный военный ад, что окружал меня в Компьерском лесу. Каждый отряд сам за себя и действует на свой страх и риск.

Сержант остановился над одним из погибших жандармов, стал расстегивать его китель. С трудом снял с трупа, бросил мне:

– Натягивай. Сейчас любой гражданский для людей в форме будет террористом. В темноте никто не станет разбираться. Не хочу, чтобы тебя прихлопнули наши ребята.

Очень мило с его стороны так обо мне позаботиться. Я не возражал против костюмированного «бала».

Сперва мы услышали топот ног, затем мимо нас пробежала пятерка вооруженных до зубов мужиков. Они так спешили на мост, где все это время шел нешуточный бой, что грех было не воспользоваться оказией и не выписать им билет на кладбище.

Мы с Фрэнком открыли по ним огонь из пистолетов, и карабин Демпси присоединился к стрельбе по «уткам» лишь с секундной задержкой. Мы сбили троих, прежде чем бунтовщики опомнились и нырнули за перевернутый взрывом газетный киоск. Я постучал сержанта по плечу, показывая, чтобы он обошел их с фланга, пока я буду отвлекать огонь на себя, но тут из окна второго этажа дружно грянули выстрелы.

По счастью, не по нам, а по тем, кого мы не успели достать.

– Эй! – крикнули нам сверху. – Седьмые?[15]

– Гарнизон! – ответил им Фрэнк. – Вы?!

– Двадцать шестой!

– Хрена вы так долго?!

Они выбрались из подъезда, присоединившись к нам.

– Всего четверо? – неприятно удивился сержант.

– Двоих убило, остальных связали боем на Вильгельме Шестом. Мы пробились переулками, но там настоящая война. Не только здесь, – сказал тощий жандарм, потерявший фуражку.

– Что-то известно о помощи? Когда будет?

– Мы не знаем. Телефонная станция Восточного не отвечает. Армии из Арсенала потребуется час, чтобы тут появиться. Пока затыкают дыры нами. Люди из всех ближайших участков и все постовые сейчас здесь. Пункт еще продержится.

Он говорил о системах подъема моста, но я не был бы в этом так уверен. Не против броневика, пулеметов и взрывчатки. Когда сюда прибудет армия, мост уже смогут опустить. А если после этого заговорщики разрушат механизм, то поднять его больше не получится и контаги придется встречать пулями.

Перестрелка в районе бара продолжалась и не собиралась ослабевать.

---

[15] Имеется в виду номер жандармского участка.

– Нет! – сказал Фрэнк, когда один из жандармов повернулся в ту сторону, явно желая броситься на помощь товарищам. – Мост важнее.

– Мы не пройдем туда. Все пространство простреливается.

– Пройдем, – возразил я ему. – Через казарму. Ее забор примыкает к мосту.

Демпси скривился:

– Перелезать через ограду у всех на виду опасно, сэр.

– Пробежать под пулеметным огнем у всех на виду – вот что тебя должно беспокоить, парень. Это единственный вариант сохранить шкуру целой, – согласился со мной сержант. – Все слышали? Идем через казарму.

Он был старшим по званию, и никто не стал ему возражать.

Быстро попасть на территорию казармы оказалось непросто – все было засыпано кусками битого кирпича, ненадежного под нашими ботинками, а рухнувшая стена перекрывала большую часть прохода внутрь, и, казалось, еще мгновение – и она рухнет на нас.

Я чувствую пламя.

Не все, конечно, но то, которое жаждет превратить человека в обгорелое мясо, – всегда. Оно для меня как семафор для машиниста поезда – видно издалека. Действовал я по наитию, схватив шедшего передо мной сержанта за плечо и рванув на себя с открытого пространства обратно, под защиту стены. Жандарма в шлеме, которому не повезло оказаться самым первым, спасти было некому.

Дракон «дыхнул», выпустив длинную жидкую струю. На мгновение она выжгла все тени, превратив уже привычную глазу тьму в ослепительный день и убив тысячи падающих снежинок, создав целую «просеку» в начинающемся буране.

Человек, объятый огнем, был похож на солнечный шар. Завораживающий, ужасный и такой знакомый… Я сам когда-то такое проделывал на войне, сжигая людей, превращая их лишь в плоть, обугленную на костях.

Жандарм был уже мертв, но сделал несколько шагов, прежде чем рухнуть на снег, зашипев, как вода на раскаленной сковородке. Следующая струя из огнемета ударила в стену, за которой мы прятались, разбилась об нее, раскрывшись огненной астрой, опасно дохнув жаром, едва не заставив пузыриться нашу кожу.

Люди отшатнулись назад, кто-то закричал, не справившись со своим страхом. В каждом из нас спит этот ужас перед открытым пламенем. Да. Мы обуздали его и заставили служить себе, но все знают, что порой оно умеет срываться с цепи.

Два шага из укрытия, поворот, поднять руку, прицелиться и тут же выстрелить туда, где точно волчий глаз горит огонек зажигателя, в любой момент способный превратиться в драконье дыхание. Три экспансивные пули ушли во мрак, и, даже зная, что попал, я откатился дальше, уходя с линии обстрела.

Через двадцать долгих секунд Фрэнк, все еще прятавшийся напротив, спросил у меня:

– Он что? Один был?

– Давай проверим.

По нам так никто и не выстрелил, огнеметчик действительно находился без поддержки, охраняя пролом в заборе, ведущий к мосту. Тощий жандарм плюнул на его труп, пока Демпси снова делал попытки поблевать в уголке из-за смрада обугленной плоти.

Я завернул вентиль на баллоне ранцевого огнемета, начал расстегивать ремни.

– Сукины дети полазили на армейских складах. Это старая модель, еще довоенная. Что ты делаешь? – спросил сержант.

– Редуктор цел, десять воспламенительных патронов у него на поясе, топлива еще на шесть-восемь коротких выстрелов. Или на один-два заряженных. Так что я усиливаю наш маленький отряд. Помоги мне.

В этот самый момент над всем районом завыла сирена – мост загудел, и центральная секция начала опускаться. Командный центр все-таки пал.

Судя по вспышкам выстрелов на самом верхнем этаже укрепления, защитники, выдавленные бунтовщиками, отступили, организовав последний рубеж обороны. Нападающие, заняв первый этаж, смогли добраться до пультов управления. Чертов броневик перегородил вход в здание, так что проникнуть внутрь незаметно для пулеметчиков не получится. Мы находились от него ярдах в пятидесяти, спрятавшись за низким каменным бортиком.

Мне пришлось скрючиться, чтобы баллон не торчал из укрытия. Огнемет штука тяжелая – почти четыре стоуна, и широкие лямки ранца впивались в плечи. Не каждый может бегать с такой хренью за спиной, и оставалось только порадоваться, что я подходящей комплекции и силы для такого оружия.

Мост, скрежеща, продолжал медленно опускать центральную секцию. Из-за ее веса и габаритов для полного сбора конструкции требовалось больше двадцати минут, а значит, у нас еще есть немного времени до начала конца света. Потому что если нападавшие не дураки, они сделают все для того, чтобы конструкцию нельзя было развести.

– Фрэнк, – сказал я, – здесь мы ничего не высидим. Тем, кого зажали наверху, надо помочь. Ты мобилем умеешь управлять?

– Нет. Только конным экипажем и лодкой.

– Я умею, – сказал Демпси. – Что вы задумали?

– Сейчас я поменяю позицию, перебегу вон туда, чтобы не стрелять против ветра.

– Чего?.. – не понял жандарм.

– Мозги поищи, – посоветовал ему сержант. – Стрелять из огнемета против сильного ветра все равно что сходить против ветра по-малому. Только там ты просто обмочишь штаны, а здесь зажаришься на хрен, и твоя мамочка узнать тебя не…

– Короче, – перебил я его объяснения. – Я пущу струю им в смотровые щели, и если не убью, то, по крайней мере, заставлю их поволноваться и забыть о пулеметах на какое-то время. Когда выстрелю, ты, парень, бежишь в кабину, она пустая. Заводишь мотор и заставляешь эту штуку ехать.

– Куда ехать? – не понял Демпси.

– Вперед, – совершенно серьезно сказал я.

Они проследили за моим взглядом до металлической ограды, способной остановить пешехода от падения в пропасть, но не тяжелую машину, которая сметет эту преграду без проблем.

– Справишься? – спросил сержант.

– Легко. – Жандарм даже не сомневался в моем плане.

– А вы держите выход. Оттуда в любой момент может кто-то появиться. Стреляйте в любого, потому что, пока Демпси будет в кабине, он как заяц на освещенном лунами поле.

До нужной точки пришлось ползти, ругаясь про себя. Я был точно неуклюжая улитка с домиком на спине. Медленной и довольно уязвимой. Встав так, чтобы ветер дул мне в спину, я проверил зажигательный патрон и, направив раструб оружия на броневик, выпустил хорошую заряженную струю пламени, жгучего, точно конфедератский перец.

Огненный язык вылетел больше чем на тридцать ярдов, облизал цистерну, выжигая краску, ударил по смотровым щелям, проникая внутрь, поджег широкие задние колеса. Как только пламя перестало течь, Демпси побежал к броневику, а отряд сержанта – в противоположную сторону, обходя его по дуге так, чтобы видеть вход в командный пункт.

Я думал, что уже расправился с теми, кто был внутри цистерны, огонь туда, без всякого сомнения, проник и кого-то задел. Но не так, чтобы они стали покойниками. Заверещал пулемет, выпуская длинную очередь, но стрелок перенервничал, задрал ствол, и пули улетели куда-то влево, а затем в небо.

Как я уже говорил – огонь пугает людей.

Со второго этажа командного пункта выглянуло несколько человек, их было прекрасно видно из-за горевшего внутри света. Люди Фрэнка открыли по ним прицельный огонь, а Демпси тем временем запрыгнул в открытую кабину. Засвистела активируемая мотория, чихнул и сразу же заработал на больших оборотах двигатель, заревел точно зверь. Цистерна дернулась, остановилась, когда жандарм из-за спешки потянул не за тот рычаг, и вновь начала движение, все набирая скорость.

Наверху «броневика» распахнулся люк, показалась голова человека, пытавшегося выбраться наружу, а Демпси выскочил из кабины. Мобиль влетел в металлическое ограждение, снес его, точно игрушечное, на мгновение завис на краю, а затем ухнул вниз.

В далекую воду.

Я уже бежал к зданию, пыхтя как носорог в период гона. Большой вес делал меня неповоротливым и довольно неуклюжим, сверху стреляли, и я порадовался, когда оказался вместе с моими жандармами.

– Не лезь! – крикнул я тощему служителю порядка, пытавшемуся заскочить в коридор, и тот сметливо отшатнулся, открывая мне дорогу.

Кому я вру?

Чудовище, что спит во мне, любит жечь, а тень, что сейчас ворочается где-то в области горла, удовлетворенно ворчит, требуя новых жертв, подначивая «включить» настоящий ад, а не эту механическую жалкую насмешку человеческого гения.

Мой дар. Мой ингениум.

Как-то Кроуфорд сказал мне, что, если хочешь выжить и победить, нельзя сочувствовать тем, кто находится на той стороне. Никакой жалости. Никакого уважения. Никаких правил. Никакой честности. Никакой слабости. Никаких мыслей об их желаниях, мечтах, семьях, причинах, что заставили этих людей жаждать убить тебя. Забудь о том, что они такие же, как ты, хотят жить и чувствуют боль.

Просто убей.

А потом уже будешь думать обо всем этом. Ты. А не они, из-за того что ты замешкался и умер. Не дай своим противникам ощутить вину оттого, что они убили тебя и теперь просыпаются от кошмаров.

Лучше просыпайся ты. Но будь жив.

Забавная философия, если подумать. На войне с искирами я слишком сильно ненавидел, чтобы колебаться. Но после войны бывали случаи, когда человеческого во мне было чересчур много, жизнь висела на волоске и я вспоминал Кроуфорда.

Вот как сейчас.

Огнемет исторгнул из себя смерть, точно перебравший сапожник рвоту. Я зажал спуск, и пламя текло внутрь здания смертельным ручьем, заливая узкий коридор, комнаты, основание лестниц и плоть, которая всего лишь секунду назад была живыми людьми.

Их крик взлетел и оборвался, словно кто-то захлопнул плотную дверь. Исчез в реве пламени и остался звенеть у меня в ушах.

Стоило бы себя ненавидеть. За то, что я сделал. За то, что ввязался в чужую войну. Но я буду ненавидеть себя еще больше, если жители Старой Академии получат свободу, придут в город и убьют ни в чем не повинных людей. Таких как Сибилла, например. Обычные люди всегда расплачиваются за поступки дураков и тиранов.

Но не в этот раз.

Воздух рядом с нами замерцал, и я едва не нажал на спуск, сжигая появившегося перед нами человека в маскировочном плаще и птичьей полумаске, скрывающей лицо. При появлении плакальщика все мы отступили назад, спиной к пожару и тем, кто мог выжить в нем и

выстрелить в нас. Совершенно инстинктивный поступок, когда враг может быть куда менее опасен, чем «друг».

– Почему медлим, сержант? – Голос у него был такой же мертвый, как ветер на заброшенном некрополе. С точно такими же интонациями он мог бы интересоваться погодой, раздавленной крысой или же ценами на сливочное печенье.

– Там все горит.

– Из-за вас, – равнодушно произнес плакальщик, шагнул в горящий коридор, не проверяя, следуют ли жандармы за ним. Конечно, последовали. Ну и Итан Шелби вместе с ними.

– Не спеши, – сказал я Фрэнку, который собирался идти первым. Он покосился на адскую машину в моих руках и пропустил меня вперед.

Судя по показаниям стрелки, топлива в баллоне было на один-два раза, но все равно эта штука оставалась серьезным аргументом в нашу пользу. Не таким, как плакальщик, конечно же, но очень даже весомым.

Огонь, выпущенный мною ранее, зацепился за мебель, дощатый пол и бумагу, горя длинными дорожками, сильно чадя и угрожая перепрыгнуть на любого неосторожного. Жар был невыносимым, но куда более… обычным, чем смрад горелого мяса.

Приходилось двигаться боком, избегая огненных островов и переступая через тела. Считать я не хотел, но выходило, что в коридоре под дыхание дракона попало восемь человек.

В отличие от нас, плакальщик шел уверенно, не смущаясь ни пламени, ни мертвецов. Он спешил вперед, туда, куда не достал мой огнемет, на ходу проверяя боковые комнаты. Нашел одного сильно обожженного, добил его ножом, юркнул в сторону прежде, чем раздался выстрел, и, когда мы уже были на месте, приканчивал горе-стрелка.

– Бунтовщики отошли на второй этаж, – тем же скучным голосом сказал он нам. – Двоим остаться здесь. Остальные наверх. Огнемет – расчисти мне лестницу.

Наверху они попытались организовать оборону, но пламя, хоть никого и не зацепив, заставило их замешкаться, и плакальщик вклинился в их ряды, точно хорек, пробравшийся в курятник.

Я расстегнул ремни, с удовольствием сбрасывая с плеч тяжеленное и ставшее бесполезным разряженное устройство. Жандармы, зажатые на третьем этаже, поняв, что удача отвернулась от нападавших, отперли дверь, и к нам спустилось семеро очень злых на весь свет мужиков, присоединившись к нашему отряду. Им сильно хотелось реванша, и лично я вполне их понимал. Но сам уже не стал принимать участие в финале схватки. Хватит с меня на сегодня убийств и смертей.

Мы с Демпси остались охранять лестницу, вдыхать горький дым от пожара, что все еще пытался разгораться внизу, и слушать хаотичную, но быстро захлебнувшуюся перестрелку. Затем вновь завыла сирена, я выглянул в окно и увидел, что центральная секция Железного гиганта остановилась, так и не соединив берега Восточного и Старой Академии.

Мертвых было много. Куда больше, чем я думал. И среди тех, кто нападал, и среди тех, кто защищался, и среди обычных горожан. Их выносили из домов, собирали на улицах, переулках и площади, укладывали рядами на мостовой, прямо на снег, который мягкой периной накрыл всю Риерту.

Пожары догорали, появились наконец-то подоспевшие солдаты, все входы и выходы в район были перекрыты, и Фрэнк, наверное такой же уставший, как и я, предложил:

– Пойдем. Провожу тебя до постов.

На ходу он протянул мне латунный портсигар, но я мотнул головой, отказываясь.

– Давно бросил.

– А я вот не смог, – сказал он, с блаженством выпуская дым. – Пытался, сразу после окончания войны, но хрен чего вышло.

– Где воевал?

Сержант неловко хмыкнул и сказал, вполне возможно, то, что редко кому говорил:

– Я не воевал. В то время считал, что убийством людей ничего не решить. Да и был просто трусом.

Я приподнял брови, вспоминая, как пару часов назад он едва не решил убийством человека одну свою проблему. Да и то, как он сражался дальше, не боясь лезть под пули, нельзя было назвать трусостью. Вот вам пример, как люди меняются со временем.

– Откровенно.

Он пожал плечами и посильнее затянулся папиросой.

– Когда, если не сегодня? Отличное время для откровений, не находишь?

Теперь настала моя очередь пожимать плечами:

– Возможно, ты и прав. Так что? Пошел в отказники?

– Да.

– Хм…

– Удивлен, что я жив? Это у вас в Королевстве таких расстреливали как дезертиров, а у нас людям находят куда более полезные занятия, чем гнить в земле.

Ну не всех расстреливали. Только самых дурных, тех, что агитировали остальных не записываться на войну добровольцами, бросать оружие и верить в миролюбие искиров. Ну… и еще тех, кому не повезло попасть под каток государственной карающей машины в качестве козла отпущения конечно же. Большинство отделывалось тюремными сроками.

– И какое же занятие было у тебя?

– Ишачил на платформах для добычи мотории и выплатил все долги обществу.

– А после записался в жандармы?

– Должен же кто-то защищать этот город от его же демонов. Не самая плохая работа для Риерты, скажу честно.

Тут он может ничего не рассказывать бывшему копперу.

Фрэнк вывел меня за оцепление, к каналу Шальных тоннелей. Водные трамваи уже не ходили, и до дома мне придется добираться на своих двоих через несколько районов, если только по пути не улыбнется удача в виде припозднившейся лодки.

– Я рад, что мы оказались на одной стороне сегодня, – сказал мне сержант на прощание и протянул руку. – И ты спас мою шкуру от поджаривания. Так что за мной должок. Будут проблемы, сообщи в Седьмой участок или Гарнизонную службу. Скажи, чтобы позвали сержанта Глиндре… Помогу чем смогу.

Он отправился назад, а я, глядя ему вслед, тоже радовался тому, что мы оказались на одной стороне.

Сегодня.

Глава пятая
НЕФРИТОВЫЙ ДЫМ

Словно устав обижаться на унылую осень, солнце наконец-то почтило Риерту своим вниманием, растопило выпавший ночью снег, но спустя несколько часов решило, что на этом его работа закончена, и скрылось за тучами. Город вновь стал мрачным и неуютным, как это бывает в подобный сезон. Чертова влажность, помноженная на холод, донимала даже меня, человека, пережившего «курортный» зимний сезон Компьерского леса.

Дом номер двенадцать на Четвертой линии Бурса заставил сбиться с шага и нахмуриться. Появилось подозрение, что либо Мюр ошиблась адресом, либо я его неправильно запомнил.

Я рассчитывал на кафе, гостиницу или вообще какой-нибудь галантерейный магазин, но это оказался особняк с серо-зелеными стенами, чей внешний фасад вырастал прямо из темной воды канала. Он был старым и неухоженным, с обвалившейся от влаги штукатуркой, похожий на человека, переболевшего оспой. Некогда прекрасный, сейчас дом выглядел заброшенным, но вместе с тем в нем все еще сохранялось величие прошлых времен. Парадные двери открывались напрямую в канал, по давней традиции Риерты, когда благородные предпочитали перемещаться исключительно на лодках, и сейчас вода от проходящих мимо катеров стучала в створки, которые, судя по их состоянию, не открывались несколько десятилетий.

Пришлось найти дверь, зажатую узкими стенами темного переулка, маленькую и неприметную, предназначенную для слуг. Признаться, я пребывал в сомнениях ровно до того момента, как появилась Мюр. Увидев меня, улыбнулась и отошла в сторону, пропуская внутрь. На ней была белая рубашка с кружевным воротником и длинная юбка в клетку, делавшая девушку гораздо старше, чем она есть.

– М-да, – сказал я, изучая полутемный холл зеленоватых оттенков, создававший впечатление, что мы находимся где-то на дне реки. Это особенно хорошо чувствовалось оттого, что казалось, вот-вот из влажных стен начнет сочиться вода. Жить здесь без капитального ремонта было решительно невозможно. – Я боялся, что ты проникла сюда без разрешения, но, судя по всему, хозяева давно забили на эту развалину.

Она откашлялась:

– Вообще-то хозяйка я.

– О. Ну… прими мои…

– Извинения? – усмехнулась Мюр.

– Еще чего! Соболезнования. Лет через пять он уйдет на дно вместе со всеми призраками, что спасаются от наводнения на чердаке.

Она мило фыркнула, поманила за собой на лестницу, начав быстро подниматься:

– Особняку почти триста лет. Он пережил и не такое наводнение.

– Наследство от доброй тетушки?

– Хотелось бы. Но такие, как я, не в почете у правительства Риерты. И это, – Мюр коснулась шрама на щеке, – отличное напоминание о том, что стоит быть осторожнее. Я купила его, как и еще несколько квартир в разных частях города. Очень удобно. И безопасно. Никогда не ночуй в одном и том же месте, и все такое…

– Выходит, ты богата.

– А вот это как раз наследство от доброй тетушки, – улыбнулась девушка, проведя меня в маленькую кухню, сделанную из комнаты. Здесь стояла электрическая плитка, на которой грелся чайник, и было гораздо теплее, чем в других помещениях. – И я его беззастенчиво трачу на глупости, как только достигла совершеннолетия и Вилли перестал распоряжаться моими деньгами. Что это у тебя?

Она показала на сверток, который я держал под мышкой. Я протянул его ей, сам подошел к окну, глядя через немытое стекло, как катер плывет по каналу. Довольно милый вид, только, конечно, не в такой сезон.

Мюр зашуршала бумагой, извлекла на свет картонную карнавальную маску. Такие сейчас по дешевке продаются на каждом шагу – длинный нос крючком, розовые щеки и дурацкая улыбка сумасшедшего. Сегодня ночью половина города будет выглядеть именно так.

– Как мило, что ты готов к веселью. – Мне показалось, что я услышал легкую иронию. – Но я не позволю, чтобы мой кавалер был столь неподобающе примитивен в обществе, которому предстоит нас лицезреть.

– У меня плохое предчувствие, – ничуть не кривя душой, предупредил я.

Ее улыбка выглядела загадочно, таинственно и насмешливо одновременно. Я подумал, что теперь легко различаю эмоции на лице, частично скованном параличом.

– Уверена, что тебе понравится.

В соседней комнате было темно и тускло, она щелкнула выключателем, и маленькая лампочка под потолком замерцала, даруя не так уж и много света. Мюр протянула мне маску, лежавшую на столе.

Она была достаточно тяжелой и большой.

– Сталь?

– Да. В прошлые века благородным их лили из серебра. Очень удобно, в отличие от тканей и бумаги. Люди тогда были горячие и вспыльчивые, случались потасовки и дуэли, а металл отлично защищал лицо от порезов. Да и остальная часть костюмов включала в себя кольчугу или даже кирасу.

– Веселый праздник, как я посмотрю.

– Особенно для того, кто перебрал и упал с лодки в канал. У нас любят такие истории. Иногда даже кого-то вытаскивают со дна спустя двести лет.

Я повнимательнее рассмотрел маску. Мужское лицо, гладкое, с миндалевидным разрезом глаз, прямым ровным носом и полными губами, покрашенными золотой краской. Белая эмаль кожи, и слеза, точно рубиновая, застывшая на середине левой щеки, оставила после себя красную дорожку.

– Джек Мститель? – удивился я.

– А что? Тебе очень подходит. Он, говорят, был такой же высокий и рыжий.

– А еще этому мифическому персонажу фольклора Риерты приписывают вспышки ярости, каннибализм и дружбу с дьяволом.

– Джек Мститель, он как носорог. Спокойный, пока его не трогать. А потом – лучше спрятаться, ибо его не остановить, если разозлится. Ну прямо как ты. А что до грехов и пороков, ну… у всех есть свои слабости.

Я вздохнул, приложил маску к лицу:

– Ладно. Ради тебя буду хоть чертом.

– Ты выглядишь… пугающе для тех, кто верит в легенды. А уж вместе с маскарадным костюмом…

– Костюмом?! – эхом прогрохотал я, уже представив себя утонувшего в бесконечных складках бархата и кружевах, так популярных на карнавале Праздника Звезд.

Она указала пальчиком в дальний угол, и я придирчиво изучил туфли начала прошлого века с серебряными пряжками и бубенцами (последним бы позавидовала даже лошадь), алые гетры до колен, бархатные штаны и пурпурное тяжелое пальто до пят.

– Не молчи. – Мюр, кажется, подумала, что меня хватил удар. – Озвучь свое мнение.

– Шляпа отсутствует, – ровным тоном ответил я. – У Джека Мстителя ведь была черная шляпа с зеленым пером? А еще фонарь, чтобы в его свете разрывать могилы врагов.

– Фонарь – это пережиток прошлого, как и алебарда. А шляпа внизу, на вешалке. Просто я не хотела тебя шокировать сразу.

– От алебарды я бы сегодня точно не отказался, – проворчал я. – Ну, а ты? Кем будешь?

Она с таинственным видом подошла к шкафу и взяла с верхней полки (ей пришлось встать на цыпочки, чтобы дотянуться) маску потрясающей работы. Черные круги под глазами, желтая эмаль «кожи» впалых щек, оскал темных, идеально ровных зубов, провал носа и рельефные, точно вырубленные топором скулы. А еще тяжелые волосы до плеч, свитые из серебряной проволоки. Надо полагать, что весила она не меньше рыцарского шлема.

– Ну конечно же сегодня я Невеста Джека.

– И его смерть, – добавил я. – Очень символично.

– Думаешь, стану твоей смертью?

– Скорее я твоей.

– Не слышу сожаления в твоем голосе. И печали, – поддела меня девушка.

– Старина Уолли говорит, что порой я слишком фаталистично отношусь к себе и окружающим. Ты ввязалась в мою историю, а я ввязался в твою, и для нас обоих это камень на шее во время заплыва через канал. А камни, дорогая Мюр, имеют такое свойство – утягивать на дно. Я несколько раз пытался тебя отговорить, убедить отойти в сторону от истории с Хенстриджем, но ты ответила мне решительным отказом. А значит, оцениваешь возможные последствия. Так что я предполагаю финал нашей истории, но не стану грустить до той поры, пока он не настанет.

– Не рано ли ты нас хоронишь?

– Я никого не хороню, Мюреол, потому что устал от этого за долгие годы. Слишком много людей вокруг меня отправились в могилы. Как хороших, так и плохих. Я просто держу в голове факт того, что все может пойти не так и закончиться в самую неожиданную минуту.

– В тебе говорит бывший коппер.

– Не отрицаю. Хервингемм не менее мрачное и опасное место, чем Риерта, и его дух проникает глубоко в кости. Я давно хотел спросить тебя…

Я не стал продолжать, и это привлекло ее внимание, страшная маска качнулась, когда девушка наклонила голову, и серебряные волосы мелодично зазвенели.

– Вопрос настолько сложный, что ты не решаешься его задать?

– Ты – Хлест?

В конце концов, надо проверять свои догадки. Насколько я прав, что передо мной таинственный бунтовщик, в прошлые годы доставлявший головную боль всей тайной полиции Риерты, за которого было назначено вознаграждение в пять тысяч цинтур?

Теперь лик Невесты Джека качнулся в другую сторону.

– С чего ты так решил?

Я не видел ее лица, не мог прочитать по нему, как она восприняла мое предположение.

– После того как мы сходили в «Сладкое королевство», по городу разбросали листовки с правдой о плакальщиках и о том, для чего правительству Риерты нужны контаги. Текст писал Хлест. Ведь в вашем доме на болотах есть типографский станок?

Она вздохнула, наконец-то сняла маску и аккуратно положила ее обратно на полку шкафа:

– Все мы немного Хлест, Итан.

– «Мы»?

– Те, кто пытается бороться с правительством нынешнего дукса.

– То есть ты и Вилли. Ты же не говоришь о сотнях недовольных, о которых ничего не знаешь?

Мюр промолчала, но я продолжил спрашивать:

– А реальный человек? Тот, кто действительно называет себя Хлестом? Что он думает о том, как вы пользуетесь его именем?

– Хлест больше уже ничего не думает. – Ее голос немного сел, и было видно, что эта тема ее сильно тяготит. – Он мертв.

– Значит, слухи, что он не выбрался из Ветродуя после трехдневных боев за район, не врали?

– К сожалению.

– Говорят, у вас был реальный шанс сместить власть в те дни.

– Он потерян.

– Ты была там же?

Засвистел оставленный на плитке чайник, и Мюр поспешила на кухню. Сняла его с огня, залила кипятком заварку.

– Нет. К сожалению. Или к счастью, как говорит Вилли. У Хлеста была большая группа, несколько сотен человек. Настоящая армия людей, готовых идти за ним хоть в ад. А после того сражения осталось всего два десятка. Считай, что ничего.

– И Вилли пришлось собирать эти обломки.

Я не спрашивал. Утверждал. Она взглянула на меня исподлобья.

– Откуда? – В ее голосе появилась неуверенность.

– Знаю? Не знал до того момента, как ты сказала, что не Хлест. Но… у меня есть интуиция и кое-какой опыт. Я занимаюсь тем, что нахожу людей. Половина моей работы – разговоры с информаторами и свидетелями, а другая половина – догадки и попадание пальцем в небо. По Вилли видно, что он человек, который владел замком, но теперь от крепости остались лишь руины.

– Вилли помогал Хлесту и был его правой рукой. И ты прав… остались одни обломки, и мы никак не можем их собрать.

Я хотел спросить еще кое-что, но она мотнула головой:

– Пожалуйста. Я не хочу вспоминать.

– Хорошо. Не будем о Хлесте. Просто поговорим о листовках. – Я налил чаю себе, затем ей. – Они оказались бесполезны. Ни одна газета не подхватила это, а большая часть горожан считает выдумкой.

Девушка осторожно отхлебнула горячего напитка:

– Если людей уже не волнует, что на самом деле в плакальщиках мало человеческого, а контаги используются для очищения мотории, которая их же и порождает… то эти люди… – Мюр вздохнула. – Иногда я думаю, что ради них не стоит бороться, Итан. Рисковать жизнью и друзьями. Ведь таким плевать на страдания кого-то другого, и они не думают, что боль и смерть рано или поздно постучатся и в их дверь. Руки просто опускаются.

– Но?..

– Но я делаю то, что считаю правильным. Пока могу.

– Беда многих в том, что они считают правильными совершенно неправильные вещи. Слышала ведь, что вчера произошло возле Железного гиганта?

Мюр скривила рожицу, насколько ей позволяла левая половина лица.

– Идиоты. Ты не поверишь, но окажись я вчера там, то поддержала бы жандармов.

Отчего же не поверю?

Очень даже поверю.

– Можно сколько угодно ненавидеть дукса и его шайку, но впустить в город людоедов, подвергнуть риску население… По таким вот недоумкам начинают судить о всех, кто не согласен с правительством.

– Судя по утренним газетам, этих недоумков оказалось довольно много, и они устроили там настоящий ад, прежде чем власти успели опомниться.

– СОРВ. Студенческое общество равных возможностей. Они фанатики, и за десять лет их набралось несколько сотен, в том числе и людей, крайне далеких от Академии. Они страшные радикалы, не желающие считаться с любым мнением, отличным от их… – девушка помедлила, подбирая подходящее слово. – Религии. Тайная полиция шесть лет назад выявила всех, кого могла, но корни уцелели и дали новые всходы. СОРВ используют любые методы, даже самые грязные, и не считаются с другими. Им плевать и на профсоюзы, на бандитов, власть и остальных революционеров.

– Так чего они хотят?

– Хаоса. Я серьезно. – Она увидела мое сомнение. – Был в прошлом веке профессор из Ордена Марка, создавший философскую доктрину, что через хаос можно обновить и построить государство. Идея глупая, но, как и любая другая идея, она нашла нужную почву и дала ядовитые всходы. Впустить сотни контаги в город с миллионным населением показалось им хорошей идеей. Хаоса от такого хоть отбавляй.

– То есть люди не в состоянии логически просчитать последствия своих действий? Что, скорее всего, им помешают, и добьются они лишь облав и скорого утопления в Совином канале?

Девушка отставила почти нетронутую чашку с чаем, сказав веско:

– Большинство людей не утруждают себя мыслями о последствиях. Они просто делают то, что им приходит в голову, следуя за порывом, а не за разумом. Власть не оставит без внимания вчерашнее. И, несмотря на объявленную амнистию, теперь всех, кого сочтут опасными, с кем нельзя договориться, ждут суровые времена.

– В том числе и вас?

– Нет. С нами все будет в порядке. Вилли приказал всем нашим уйти в подполье и сидеть тихо. Да и мы, если честно, не можем теперь ничего сделать, после того как потеряли Хлеста и большинство людей, которые нас поддерживали.

– А убийство чиновников и взрывы бомб?

– Надеюсь, ты шутишь, – мрачно сказала Мюр. – Мы не террористы, Итан. Во всяком случае, я очень хочу так считать.

Я не стал продолжать, в молчании допил чай, пока она что-то черкала в маленьком блокноте.

– Я поговорила с Вилли о работах Хенстриджа. Он не знает, откуда Брайс узнал о Кражовски.

Я кивнул. Было бы странно, если бы старый вояка подтвердил: это я рассказал все любимому ученому дукса. Впрочем, изначально я не верил в теорию, что наставник Мюр в этом както замешан. Всего лишь ненадежная версия в целом скопе непроверенных предположений.

– Насколько близко ты знакома с Кражовски?

– Мы виделись несколько раз.

– Но можешь про него что-то рассказать?

Девушка задумчиво заложила страницу блокнота пальцем, вздохнула, собираясь с мыслями:

– У него была своя группа, и он присоединился к Хлесту во время неудавшегося переворота. Я с ним почти не общалась, когда Кражовски приезжал к Вилли. Чаще всего встречала его у Хенстриджа. Он ассистировал ему, помогал в экспериментах. Но… – Мюр развела руками. – Понимаешь, Кражовски из тех людей, которые не славятся красноречием.

– Помогал старику в экспериментах, значит?

– У него степень магистра по электродинамике. Он окончил Академию, был на курсе ученика Баллантайна, но долго не проработал. Кражовски выперли из науки за взгляды, не соответствующие политике государства, и открытый конфликт с Брайсом. Так что Хенстридж взял его в помощники.

– Но и ты ему помогала. Ведь так?

Мюр негромко рассмеялась и сказала, веселясь:

– Мне льстит, что ты считаешь, будто моя помощь в науке могла понадобиться одному из гениальнейших ученых в мировой истории. Вся моя работа сводилась к нахождению нужных страниц в книгах, завариванию чая и поливанию монстеры в его кабинете. «Вклад» в науку от благодарной ученицы старому больному учителю. Хенстридж знаком с моей семьей, и, когда я была маленькой, отец попросил его помочь мне с математикой и физикой. Даже странно, что он сошелся с Кражовски – они совсем разные. Двух более непохожих друг на друга людей я еще не встречала.

– Власть старикана не преследовала?

– Хенстридж никогда не выступал против нее публично. Он просто отошел в сторону, продав акции «Моторики Риерты» и отдав Брайсу всю полноту власти над фабрикой. Думаю, Брайс был именно тем человеком, который попросил дукса не трогать бывшего друга и коллегу.

– До поры до времени. Его все-таки убрали, стоило ему уехать в Королевство.

– Это логичное решение, если абстрагироваться от эмоций и моих привязанностей к нему. Все договоренности сразу же закончились, после того как старик собрался передать разработки искирам.

– По счастью, он не успел, из-за Кражовски, который их и украл. Это пошло на пользу Риерте.

Она подняла палец вверх:

– Но это не означает, что Кражовски работает на тайную полицию или на Брайса.

– Знаю. Знаю, – без энтузиазма в голосе сказал я. – Это пока что домыслы. Поэтому и собираю о нем информацию где только можно.

– И много узнал?

Настала моя очередь развести руками:

– Собственной квартиры у него не было. Два года снимал комнату в районе Светляков, но приходил туда не всегда. Особенно в последнее время, когда его объявили в розыск за связи с «революционными элементами», – я процитировал один из старых плакатов с изображением разыскиваемого ученого. – Зарабатывал на жизнь частными уроками. Преподавал химию, физику, математику. Воевал, судя по моим сведениям, что удивительно.

– Почему удивительно? – поинтересовалась Мюр.

– Обычно людям, полезным для государства, предоставляется бронь. Ученые – это не тот материал, который следует отправлять на убой. Но Кражовски ушел на фронт и оттрубил «от и до» пулеметчиком на дирижабле Союза. Семья у него погибла от кровавой капели, в первую, послевоенную эпидемию. Была женщина, в последние пять лет с которой он сходился периодически, но она пропала в то же время, когда его арестовали. Возможно, скрылась или же также была заключена в тюрьму. Я узнал ее место работы, нашел родственников, но эта нитка ни к чему не ведет. Также у Кражовски есть младшая сестра, но разговор с ней тоже ничего не дал. Она знать ничего о нем не хочет и просит не связывать ее с братцем.

– Ты и сестру нашел? – с некоторым восхищением произнесла Мюр. – Я не знала, что у него кто-то есть в Риерте.

– Ну, я не зря потратил тот месяц, что мы с тобой не виделись, – скромно произнес я.

– Бывший коппер вышел на работу, – девушка прищурилась. – А что ты успел разузнать про меня?

– Ничего, – солгал я.

Где-то в глубине дома часы пробили девять, и Мюреол, словно очнувшись, повела плечами, сказав:

– Праздник начинается. Нам пора.

– Постой! Постой! – Я встал у нее на пути, перекрыв выход. – Давай без сюрпризов, пожалуйста. Куда мы едем с таким маскарадом? Наши наряды слишком хороши для обычных пабов.

– Разумеется, к аристократам. Ну не хмурься. Тебе будет чем себя развлечь.

Мюр наняла моторный катер, с настоящим салоном и электричеством. Здесь был диван из кожи вкуса свеклы и…

Я поморщился. Угу. «Вкуса свеклы». Итан Шелби вновь стал самим собой и цвета превратились во вкус. Я быстро осмотрел помещение – совершенно инстинктивная привычка, которая у меня появилась какое-то количество лет назад, но никакого намека на тень не было.

Пока не было.

Эм… На чем я там остановился? Диван из кожи вкуса свеклы, дубовый пол, хрусталь и серебряное ведерко с бутылкой дорогого шампанского. Здесь же была печка, питавшаяся напрямую от бака с моторией, и нити накаливания дарили такое тепло, что мы с девчонкой сняли наши пальто, повесив их на вешалку у входа. Вообще, по внутреннему дизайну каюта напоминала дорогой публичный дом (поверьте, за время работы полицейским в Хервингемме я мог попасть в места, в которые меня никогда бы не допустили без мундира, хотя бы потому, что некоторые цены могли себе позволить лишь очень богатые люди). Слишком много бархата, кожи, хрусталя и золота на мой вкус. Но многим должно такое нравиться. И если у нас в Королевстве раньше, чтобы доехать на мероприятие с комфортом, заказывали кареты, а потом мобили, то в городе на воде существовала целая служба, предоставляющая внаем дорогие лодки. Чтобы ты раз и навсегда почувствовал себя королем.

Внутри мы были вдвоем, наш капитан, человек с крайне хорошими манерами, облаченный в одежду из магазинов линий Бурса, находился в отдельной рубке и для связи с ним тут предусмотрели телефон.

Катер плыл по озеру Матрэ на север, оставляя Риерту позади, и она подмигивала мне тысячами ярких бусин электричества. Фабрики Стальной Хватки, темная проплешина Прыщей, тусклый фрагмент Горохового Супа, мерцающие поля Метели с ее подсвеченными посадочными мачтами для дирижаблей, и поднимающееся над этими районами зарево от южных богатых островов вроде Бурса, Холма, Академии или Земли Славных, где электричество провели на каждую улицу и почти в каждый дом.

Зрелище нового века. Не скрою, красивое. Раньше с наступлением ночи города погружались во мрак, освещаясь лишь живым огнем и газовыми фонарями. Для большинства жителей они умирали до следующего утра, и во тьме, озаряемые редкими бликами огней, рыскали лишь крысы, шакалы, волки да акулы в человеческом обличье. Теперь же «свет вечный», созданный благодаря мотории, за несколько десятилетий изменил все, что казалось незыблемым тысячи лет. Появилось больше свободы, возможностей жизни и работы. Теперь многие из нас могли трудиться даже в темное время суток, не завися от капризов ночи. Этим пользовались те же самые фабриканты и…

– О чем ты думаешь? – Мюр вернула меня в реальность.

Я еще раз посмотрел на удаляющуюся Риерту:

– Так. Всякие глупости о том, что прогресс засунул нас в пушку и пульнул куда-то в сторону лун… Мы плывем по твоим делам?

– В смысле связанным с моей… политической позицией? Нет. Не думай, что я собираюсь втянуть тебя во что-то противозаконное. Я не преследую личных целей. Просто решила хорошо провести время в приятной компании.

– Мюр, – вкрадчиво произнес я, – на тот случай, если ты не помнишь – на жизнь я зарабатываю розыском людей, а до этого был полицейским. И благодаря долгой практике довольно часто понимаю, когда мне врут. Если нас ждут неприятности, то не лучше ли мне быть к ним готовым?

Она качнула ногой, и серебряные бубенцы на ее ботинках печально звякнули.

– Ну хорошо. У меня есть причина там появиться. Вечеринка состоится на вилле у Эшли Дайсона.

– В первый раз слышу.

– Дайсон из парвеню…[16]

– Не забывай, что не все знают язык Республики, как ты.

– Нувориш, – пояснила девушка. – Из простых, но цепкий малый. Когда надо угодливый, а когда надо жесткий и беспринципный. Человек нового поколения и новой формации, он сколотил свое состояние на поставках оборудования для платформ добычи мотории. Постепенно подмял под себя весь сегмент рынка, заключил контракты с «Моторией Риерты», считай правительством, купил акций, как говорят, с благословения Брайса.

[16] Добившийся успеха, разбогатевший выскочка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.